

ЛЕОНИД ИСКРОВ

ПОД
ЧЕРНЫМ
КРЫЛОМ
ВОЙНЫ

ЛЕОНИД ИСКРОВ

**ПОД
ЧЕРНЫМ
КРЫЛОМ
ВОЙНЫ**

МОГИЛЕВ
2020

УДК 821.161.1(476)-822 + 821.161.3-822

ББК 84 (4Бел)6

И 86

Искров, Л. В.

Под черным крылом войны / Леонид Искров. – Могилев : Могилевская областная укрупненная типография им. Спиридона Соболя, 2020. – 96 с.: фото.

Леонид Владимирович Искров – ветеран Вооруженных сил, член Могилевской городской организации Белорусского общественного объединения ветеранов, литературного объединения «Ветеран», лауреат специальной премии Могилевского горисполкома «Достижение» в сфере «Литературная деятельность» 2014 года.

«Под черным крылом войны» – пятый персональный сборник автора. Содержание сборника составляют воспоминания детства, которое пришлось на тяжелые военные и послевоенные годы. Книга посвящается 75-летию Великой Победы.

УДК: 821.161.1(476)-822 + 821.161.3-822

ББК 84 (4Бел)6

Детство

*О, детство! Школа! Не забуду
Тебя я, тихий скромный сад
И серых домиков фасад,
И наши сборы мальчуганов;
Игру в футбол, стрельбу с «наганов»,
И ручейковую запруду.*

*Крыло войны зловещей тучей
Застыло в памяти людей!
Но в воспитании детей,
Как хлеб, нужна любовь и ласка, -
Оно явилось злою сказкой
И покорило и души.*

*Нам в школу выпало ходить
В суровый голод, в дни разрухи
И на морозе стыли руки,
И жизнь текла, как страшный сон,
А по земле носился стон,
Могущий камни разбудить.*

ПОД ЧЕРНЫМ КРЫЛОМ ВОЙНЫ

О Великой Отечественной войне изданы многие сотни книг: и рассказы, и повести, и романы, и воспоминания, и пьесы, а стихов не счесть. Но в этих книгах речь идет в основном об отступлении Красной Армии в 1941 и 1942 годах, о боевых сражениях на суше и на море, о героических победах над немецкими фашистами в 1943–1945 годах. Рассказывается преимущественно о жизни на войне маршалов, генералов, офицеров, разведчиков и солдат, а также партизан. Встречаются книги о подвигах детей, чаще сыновей полка и юных партизан. Много реже – о тружениках тыла. Прежде всего о жизни и работе женщин, стариков и детей–подростков, которые полуголодные и недоспавшие наравне со взрослыми трудились на заводах

и фабриках, на колхозных полях, обеспечивая фронт техникой, боеприпасами и продовольствием.

А вот книг о том, как трагедия войны повлияла на искалеченные ею судьбы детей, мне читать не довелось, либо встречались только отдельные эпизоды. Возможно, такие книги были, но они остались неизвестными широкому кругу читателей.

И вот в руках у меня повесть Леонида Искрова «Под черным крылом войны». Кто же этот автор, который взял на себя смелость проследить послевоенную жизнь маленьких детей, которые выжили, изведав все ужасы немецкой оккупации, испытывали полуголодную послевоенную жизнь, некоторые из них в детских домах без материнской ласки и отцовской заботы путем проб и ошибок нашли свое призвание, получили образование и стали

достойными людьми?

Леониду Искрову не пришлось фантазировать и придумывать эпизоды. Он сам пережил трагедию войны, оккупацию и безотцовщину испил до дна полной чашей. Повесть автобиографическая и за счет этого ценность ее возросла многократно. События, описанные в повести, происходят в городе Горки Могилевской области и в деревне Корпушовка Крупского района Минской области, послевоенные — в городах Сморгонь и Ошмяны, в поселке Гольшаны Гродненской области и отдельный эпизод — в Кёнигсберге.

Как и главный герой повести Алешка, мальчик Лёня, которого война застала в три с половиной года в Горках, прошел той же дорогой. Ему лично знакомы и все герои повести, которые представлены под своими именами. Вымышленные имена у отдельных персонажей повести, только тех, кого автор не смог вспомнить, ведь с тех событий прошло более столетия.

Писать автору было не сложно: за его плечами многолетний опыт военно-

го журналиста и авторство трех художественных книг, которые получили положительную оценку читателей и литературных критиков. Леонид Искров является членом Союза писателей Беларуси.

Повесть «Под черным крылом войны» состоит из нескольких десятков коротких остросюжетных рассказов, расположенных в хронологическом порядке, начиная с первых дней войны, заставшей главного героя в трехлетнем возрасте, и заканчивая годами его юности, когда он сознательно выбрал профессию защитника Родины и отдал ей тридцать лет жизни.

У героя повести светлыми и безоблачными были только несколько недель перед войной и считанные дни после освобождения Беларуси от немецких оккупантов. Маленький Алёша пережил контузию от взрыва немецкой бомбы, тяготы изгнания семьи из родного дома, издевательства хозяина, к которому оккупанты определили семью на жительство. В мирное время испытал тяжкую судь-

бу нахлебника в семье тети Фрузы и около двух лет жил в детском доме в Гольшанах. Автор показывает, как война искалечила судьбы детей и преследовала их еще многие годы.

От недопонимания Алёша совершал неблагоприятные проступки, но было и много положительных моментов. Автор показывает все это искренне, как на исповеди, ничего не утаивая от читателя. Главное, юный герой устоял, выдержал, не сломался, все тяготы, выпавшие на его долю, выдержал с честью. Более того, он выбрал благородную профессию защитника Родины и посвятил ей всю жизнь.

Еще с юности Леонид Искров мечтал стать писателем: много читал, изучал литературоведческие статьи, постоянно пробовал себя в стихосложении, публиковал в газетах корреспондентские заметки и смог осуществить свою мечту. Он рассказал об этом в своей книге «Курсанты. Офицеры», которая родилась из его дневниковых записей, которые он вел более 50 лет. Такое я встретил впервые!

Повесть Л. Искрова «Под черным крылом войны» читается с интересом. Я не стал приводить яркие эпизоды, завораживающие сюжеты из его книги. Каждый читатель сможет это сделать самостоятельно.

Книга рассчитана на учащихся среднего и старшего школьного возраста, что поможет подрастающему поколению проанализировать события из жизни Алёши и в последующем скорректировать свое поведение и избежать подобных ошибок в своей жизни.

Но эта книга не только для учащихся – она для широкого круга читателей: учителей, воспитателей и, прежде всего, родителей, чтобы помочь им понять состояние ребенка, лишенного ласки и заботы родных отца и матери.

Дети – наше будущее! Надо, чтобы это были не только слова, но и действия государства и его граждан.

*2 марта 2020 года.
Виктор Артемьев,
член Союза писателей
Беларуси*

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогие друзья! С момента событий, описанных в повести «Под черным крылом войны», прошло три четверти столетия. Возраст Алексея, главного героя повести, близится к критической отметке, когда пора подумать об отдыхе от трудов праведных. Годы младенчества, омраченные страшными эпизодами военного лихолетья и серого послевоенного существования, не растаяли, как густой туман под теплыми солнечными лучами, а, наоборот, еще ярче стали высвечивать в памяти, как кинокадры на экране, что происходило в то трагическое и суровое время. Автор посчитал своим долгом написать о суровом детстве и жизни детей и подростков, испытавших все тяготы, которые пришлось пережить в годы войны и после нее: безотцовщина, отсутствие теплоты и ласки со стороны родных, полуголодное

существование. Война ожесточила и характеры людей, когда не было возможности радоваться жизни, а просто как-то выживать. Он решил написать такую необычную по-своему содержанию повесть, чтобы все, кто прочтет ее, сделали все от них зависящее, что не позволит разразиться новой кровопролитной войне, которая станет последней и уничтожит всё живое на нашей планете.

Политики, как плохие школьники или недоросли, не понимают всех последствий от своих эгоистических действий и поступков, когда принимают решение на военное вмешательство в той или иной точке мира, и потом, как страусы, прячут головы в песок, думая, что это спасет их от надвигающейся катастрофы.

Ведущими странами мира изготовлено достаточно взрывчатки, обычной и необычной: ядерной, термоядерной, нейтронной, что-

бы уничтожить всё живое на земле, но политики и сильные мира сего не успокаиваются. Военные расходы государств постоянно растут, и задают тон этому политики США, вместо того, чтобы пустить эти деньги на улучшение жизни населения Земли. Ведь ни для кого не секрет, что отдельные государства Африки и Латинской Америки находятся на грани исчезновения от голода и болезней. В одной только Африке более 200 млн человек влачат полуголодное существование, и многие из них преждевременно умирают от голода и болезней.

Война – это страшное зло, от которого человечество до сих пор не может избавиться!

Чтобы в будущем выжить, необходимо объединить все усилия: материальные, духовные, финансовые ресурсы, новейшие достижения современной науки и техники для борьбы с болезнями и голодом, климатическими катаклизмами: наводнениями, землетрясениями, оползнями, тайфунами, пожарами, наконец, приступить к постепенному оздоровле-

нию самой матери-Земли, заболевшей от варварского ее использования в погоне за прибылью «тугих кошельков». Надо призвать все здоровые силы Земли, человека к уничтожению уже в ближайшие годы всех арсеналов оружия, иначе может случиться непоправимое – исчезнет все живое на планете, и она превратится в холодный, мертвый шар на многие миллионы лет, пока жизнь не возродится на Земле вновь.

Надеюсь, дорогой читатель, ты внимательно прочтешь эту книгу и сделаешь для себя выводы.

Автор

О, ДЕТСТВА МИГ!

Розовое довоенное детство. Он сидит в кровати, а бабушка Мария Ефимовна колдует по хозяйству: топит печь, доит козу, поливает грядки и смотрит за ним — всё у нее получается быстро и ловко. А еще бабушка была верующей христианкой: в свободные минуты с трех лет учила Алёшу молитве “Отче наш...”, читала Евангелие и пела псалмы в красном углу под иконой.

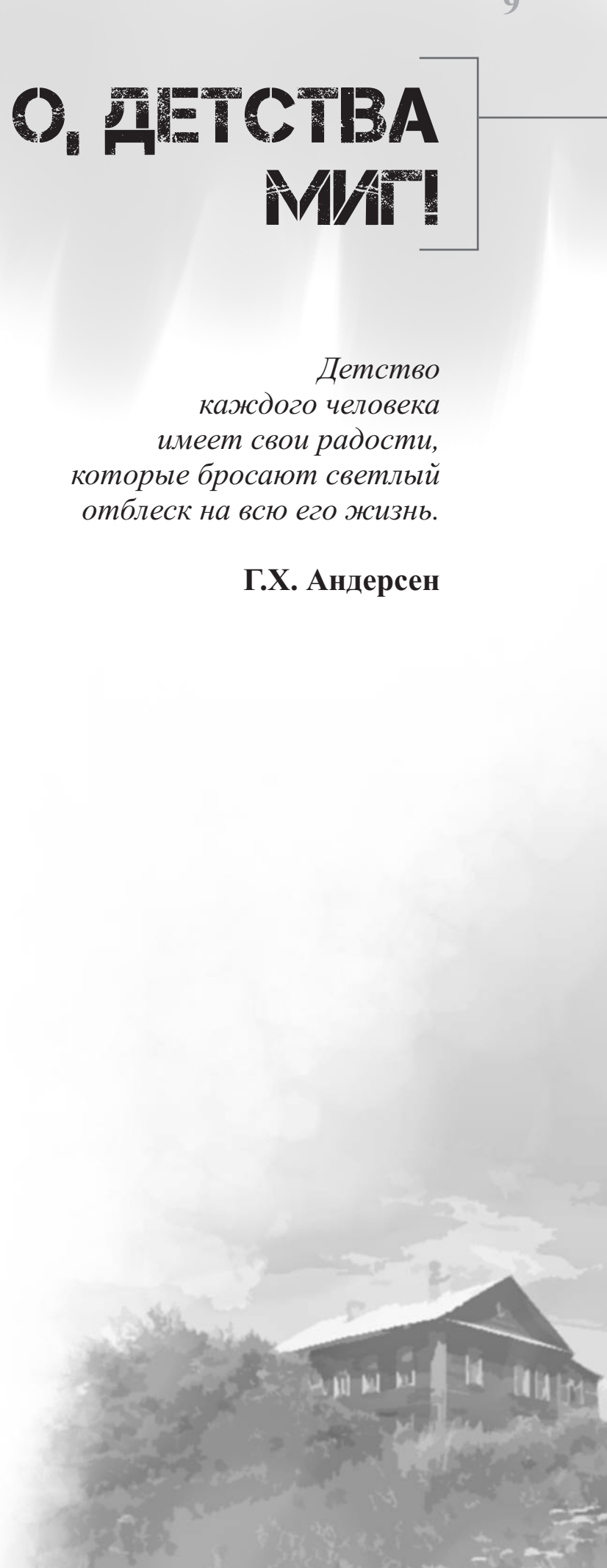
Тетя Поля пришла с работы. Она работает в пригородном совхозе Погодино¹ зоотехником. Тетя угощает мармеладом, играет с ним и приговаривает: “Я — коза-дереза, полбока луплено, за три гроша куплена, топу-топу ножками, забоду тебя рожками, ножками затопчу, хвостиком замету!”

Говоря эту присказку, она выставляет указательный палец и мизинец, а остальные три, сжатые в кулак, поворачивает влево-вправо; так бо-

*Детство
каждого человека
имеет свои радости,
которые бросают светлый
отблеск на всю его жизнь.*

Г.Х. Андерсен

*1. г. Горки Могилевской области
(здесь и далее примечания автора).*

дает его, дотрагиваясь этими рожками до животика. Алёша весело смеется и хлопает в ладошки, а мармелад так и тает во рту...

До войны дети в небольшом городке, как правило, не ходили в детский сад, а самостоятельно играли во дворе своего дома или на улице.

Небольшой домик, где жил мальчик, стоял на пригорке. Он был последним с краю улицы Вокзальной, сразу за ним начинался луг, внизу протекала небольшая речушка. Малыши бегали по влажному лугу, ловили бабочек и сине-зеленых прозрачных стрекоз, а луг был усыпан разноцветными полевыми цветами: белыми ромашками с маленьким желтым солнышком внутри, голубыми и красными колокольчиками, огоньками, белой, словно кружево, кашкой. Дети играли, радуясь теплему солнышку, а рядом чуть слышно звенела по камушкам речушка, в ней мелькали быстрые рыбки.

Дети ловили бабочек и стрекоз — это было высшее счастье, которое никогда больше не повторится, но и не изгладится из детской па-

мяти до конца их жизни. Это счастье, как прекрасная детская сказка, будет сиять им всегда, на всех перепутьях их стремительной жизни.

Но разве счастье может быть вечным? Оно как внезапная вспышка ослепительной молнии длится лишь одно мгновение, а потом наступают темнота...

АНТИХРИСТ ПРИШЕЛ

Воскресенье раненько бабушка разбудила Алёшу: “Вставай, внучек, уже солнышко взошло!”

Они вдвоем пошли по тропинке в церковь, которая находилась в Ивановской роще. Отошли от дома недалеко. Утро было какое-то желтое, туман клубился как облако и не слышно было пения птиц. Они увидели – им навстречу бегут женщины и старушки и, истово крестясь, кричат: “Антихрист пришел на землю! Конец света! Конец света!”..

Бабушка испугалась, что уж говорить про Алёшу, и они поспешили домой. А вечером – Алёша никогда не забудет такого страшного зрелища – мама стала резать двух беленьких козочек: их коза Белка недавно родила. Коза жалобно блеяла, Алёшка с братом горько плакали, просили маму не резать козляток, но она сквозь слезы ответила: “Началась вой-

на. Скоро здесь будут немцы и отберут их у нас!”

К вечеру мама и ее сестра тетя Поля взяли лопаты и стали рыть на косогоре, недалеко от дома, окопчик, чтобы можно было спрятаться от вражеской бомбежки.

Немцы уже начали бомбить город Горки. Во время бомбежки вся семья: бабушка, тетя Поля, мама и Алёша с братиком Эдиком сидели в окопчике и переживали бомбежку.

ДОВОЕННЫЕ ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Мальчик бегал по лугу один, а его мама и старший брат сидели в небольшом окопчике, вырытом на косогоре недалеко от их дома. На лугу, привязанная за вбитый в землю колышек, паслась белая как снег коза с длинной бородой и закругленными назад острыми рогами. Она поила мальчика и его брата таким вкусным молоком!

Мальчику было хорошо: ласковыми теплыми лучами солнышко целовало его слов-

но мама, мотыльки, бабочки, стрекозы радовали его как ожившие сказочные игрушки, вода в речушке булькала, словно похлопывая прохладными ладошками по камушкам, выступающим из воды на небольших перекатах.

Вдруг мальчик услышал монотонное тяжелое жужжание, раздававшееся откуда-то сверху. Он подумал, что это летит большой мохнатый шмель, посмотрел в безоблачное голубое небо и увидел большую птицу, которая, не махая крыльями, стала резко снижаться, издавая всё возрастающий страшный вой. Это был самолет, который сильно напугал мальчика в белой рубашечке и штанишках на шлейке. Вдруг с самолета что-то тяжелое бухнуло в траву и Алёшу больно толкнуло в спину, в глазах потемнело и он куда-то полетел...

Очнулся мальчик на руках у матери, которая взволнованно причитала: “Птеник мой, что же ты наделал? Почему не хотел сидеть в окопчике?!” При этом она осматривала и ощупывала руками сыночка словно куколку, и, убедившись, что у

него нет никаких видимых повреждений, немного успокоилась.

На том месте, куда упала бомба, образовалась глубокая яма, которая быстро наполнилась темно-коричневой водой.

Прошло несколько дней. Дети играли недалеко от дома. Мальчика звали Алексей, а его подругу – Рая. Ей было всего три года, и жила она недалеко через улицу Вокзальную на противоположной стороне. Алёша нашел во дворе небольшую фанерку, уселся на нее на самом краю горки и, взявшись обеими руками за передний обрез фанерки, немного приподнял ее и, оттолкнувшись ножками, поехал вниз по шелковистой зеленой траве. Сначала ему было немного страшно, но потом он перестал бояться и стал опять подниматься с фанеркой на горку, чтобы вновь съезжать вниз. Так он прокатился несколько раз.

– Дай и мне покататься с твоей горки на этой фанерке, – попросила Рая.

– А не побоишься съезжать: ух, как страшно!

– Не побоюсь, я смелая!

Рая уселась, как Алёша, ухватила обеими ручонками за передний край фанерки и помчалась вниз, но не справилась с управлением и опрокинулась набок. Но это ее не испугало: она несколько раз поднималась на горку и съезжала вниз.

— Хватит! Отдай мою фанерку, я сам буду кататься! — крикнул Алёша и отобрал фанерку. — Если хочешь, приноси свою и катайся!

Рая заплакала, размазывая крупные, с горошину, слезы и побежала домой.

Через несколько дней на горке появились большие ребята с Вокзальной улицы: с ними был и семилетний Эдик, брат Алёши, со своими друзьями: Колей, Петей и Ваней, которые были немножго старше его.

— Пойдем вниз, там есть яма, заполненная водой, от упавшей недавно немецкой бомбы, — сказал Петя.

Ребята сбегали вниз и подошли к яме.

— Будем прыгать через яму, — сказал Петя.

Он отошел от ямы на 15-20 метров, разбежался и прыгнул. Он перепрыгнул и предложил Коле и Ване тоже

попробовать прыгнуть.

Ребятам эта игра понравилась, и они по очереди стали прыгать через яму.

— Я тоже могу перепрыгнуть, — сказал Эдик.

— Эдик, ты не перепрыгнешь, — сказа Колька.

— Перепрыгну! — упрямо ответил он.

— Ну, Эдик, смотри! Если упадешь в воду, то можешь утонуть! — закричали наперебой ребята. — А если перепрыгнешь — дадим тебе каждый по бычку.

— А бычки у вас какие? — поинтересовался Эдик.

— Бычки хорошие, от немецких сигарет. — И Коля показал ему бычок. — Накуриться хватит и одного.

Ребята выстроились вблизи ямы с водой. Эдик отошел шагов на 20-30, разбежался и прыгнул. Он совсем немножго, на какой-то метр не долетел до края ямы и бухнулся в воду.

— Я же говорил, что он слабак и не перепрыгнет, — весело сказал Колька, и все ребята громко рассмеялись.

Эдику было не до смеха: он стоял в воде по пояс и пытался выбраться, но ноги все глубже и глубже вязли в бо-

лоте. Видя, что Эдик погружается в воду, испугались и стали кричать: “Эдик тонет! Эдик тонет! Помогите!”. А сами стали убегать, увидев, что бабушка Эдика бежит к яме с криками:

— Ах вы, хулиганье! Что наделали! Я вот вам покажу!

Она подбежала к яме, когда вода стала заливать голову мальчика, ухватила обеими руками за уши Эдика и вытащила его.

— Ах, ты, негодник! — кричала она, плача. — Вот придет мать, я ей все расскажу!..

— Бабушка, не надо маме рассказывать, а то она меня

сильно побьет! — стал просить Эдик. Бабушка подвела его к речке и стала обмывать грязь с одежды, все время приговаривая:

— Господи, ты ж мог утонуть, если б я прибежала на минутку позже. Смотри у меня! Не гуляй с этими хулиганами, они тебя добру не научат. От тебя уже стало пахнуть табаком. Ты что, куришь?

— Я только попробовал и скурил один бычок, — оправдывался, хныкая, Эдик.

— Не надо курить, Эдинька! — сказала ласково она, — ты и так худенький, а еще куришь! — И увела его домой.

ВОЗДУШНЫЙ БОЙ

Малыши играли на улице. Вдруг в небе послышался нарастающий гул летящих самолетов. Видят: невысоко в небе летят самолеты с красными звездами на боках.

Откуда ни возмись, на них налетели несколько самолетов с черными крестами. Самолеты начали гоняться друг за другом. Послышались звуки, будто горох сыплется в пустое ведро. Самолеты то взмывали вверх с душераздирающим ревом моторов, то пикировали к земле и опять круто взмывали в небо.

Смотрят: два наших самолета полетели на восток, а один остался прикрывать их. Это Алёшка понял уже потом, когда повзрослел.

На советский самолет на-

летели немецкие и подожгли краснозвездный истребитель. Оставляя за собой длинный черный хвост, самолет упал недалеко от их дома, на выгоне, где пасли коров, коз и овец. Алёшка с другими детьми прибежали к месту падения самолета, но оно уже было оцеплено немцами. Дети увидели большую яму с водой, обломки самолета и немецкого офицера, державшего в руке летчицкий планшет. Обгоревший советский летчик был мертв.

МАТКА, МЛЕКО, ЯЙКО!

Через неделю или немного больше в дом, где жила семья Алёши, зашел пожилой немецкий солдат. Мать копошилась возле печки, увидела его и сразу испугалась: зачем он пришел? Да и дети впервые так близко увидели

немецкого солдата и сразу притихли. Он был без оружия, осмотрел всех и громко произнес:

– Матка, млеко, яйко!

Мать сначала не поняла, что он хочет, а потом ей дошло, что немец просит молока.

В хозяйстве были две курицы и коза, которая давала 1,5-2 литра молока в день. Мать поняла, что немец хочет выпить молока. Из стоявшего на столе кувшина она налила стакан молока и подала немцу. Он выпил его одним духом и сказал:

– Gut, gut! – и поднял вверх большой палец.

– Яйко!

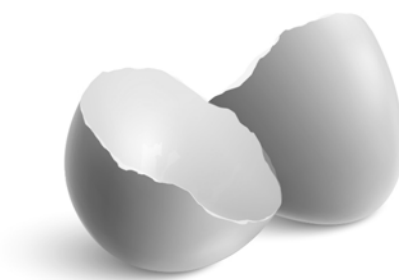
Мать дала одно яйцо. Немец положил его в карман солдатской куртки, а из другого вынул плоскую картонную баночку и отдал матери. Это был своего рода светильник – плоская с кнотом, залитым парафином.

Когда немец ушел, мать рассмотрела эту плоску и обрадовалась: в доме давно не было керосина для лампы. Вечерами, когда бабушка сучила пряжу, а мать на кроснах ткала полотно, детям приходилось жечь лу-

чины. Лучина – это тонкая длинная щепка сухого дерева, предназначенная для растопки печи или для освещения избы. Лучину укрепляли возле печки, а под лучинами ставили тазик с водой, чтобы падающие угольки не сделали пожара в доме.

Теперь какое-то время детям не надо было заготавливать и жечь лучину, которая сильно дымила и давала мало света. А огонек плоски горел ровно и весело, почти без дыма.

Этот немец приходил еще раз и просил молока, но молока уже не было: козу-кормилицу Белку пришлось зарезать, так как кормить ее было нечем. Мать дала немцу две-три картошины, а он в ответ – кусок хозяйственного мыла, в котором семья очень нуждалась. В семье было двое малолетних детей и приходилось часто стирать их рубашки и штанишки.

ПЛЕННЫЕ КРАСНОАРМЕЙЦЫ

Однажды, гуляя на улице, Алёша и Эдик услышали ни на что не похожие звуки, сливающиеся в сплошной гул, который приближался и становился все громче и громче. Наконец в облаке пыли показалась большая колонна людей. Казалось, ей не будет конца — это были пленные красноармейцы. Их гнали по улице Вокзальной на станцию Погодино для погрузки в вагоны. Гул был такой ужасный, что мурашки бежали по коже: воедино смешались и стоны раненых, и плач, и говор, и топот солдат, и крики конвоиров, и лай овчарок. Пленные были в крайней степени изнеможения, многие с кровавыми повязками на голове, теле и руках, босые, с расстегнутыми гимнастерками, некоторые только в нательных рубашках. Отдельные пленные еле волочили ноги, их поддерживали товарищи. Бесчеловечным отношением кон-

воиров люди были доведены до животного состояния. Начальник конвоя дал команду: пусть этих несчастных солдат кормит само население. Отсчитав 15-20 пленных, их отпускали на прокорм в рядом стоящий дом под охраной двух конвоиров с автоматами.

И в дом Алёшки ввалилась такая группа военнопленных. В глазах у них горела голодная волчья ярость. Они хватали все, что попадало под руку, и тут же падали на пол. Образовывался клубок переплетенных тел, дерущихся за каждую картофелину, луковицу, кусочек хлеба. Раздавался глухой рев и стон этой людской массы. Через несколько минут, безжалостно раздавая удары прикладами автоматов, конвоиры поднимали пленных с пола и сгоняли обратно в колонну, которая, как полноводная река, все текла и текла по улице, поднимая клубы пыли.

После посещения военнопленных в доме из продуктов не осталось ничего — все было съедено за секунды.

Эта ужасная сцена изнуренных и голодных военно-

пленных красноармейцев еще долго стояла перед глазами Алёши, Эдика и их матери, нет-нет, да и всплывала на протяжении всей их жизни.

Война — это страшная и незаживающая рана на теле человека и земли, убивающая и в мирное время. До сих пор саперы обезвреживают бомбы и снаряды, оставленные войной

Когда же человечество избавится от постоянно возникающих в разных уголках планеты военных конфликтов, приносящих людям и окружающей природе неисчислимы бедствия и разрушения? Наступит ли этому злу когда-либо конец?

СТЫД И УНИЖЕНИЕ

Когда кроме щавеля есть стало нечего, семье пришлось ходить по более обеспеченным соседям и занимать очередь, чтобы получить картофельные очистки. Из них варили бульон или готовили пюре. Но очередь была длинная, так как «богатых» соседей было мало, и раздобыть картофельные очистки можно было один-два раза в неделю.

Мать с детьми решила идти в деревню Маслаки, в сторону города Орши, чтобы добыть каких-либо продуктов: муки, картофеля, крупы. Но в деревню, где жили родственники, они не дошли. Напуганные рвавшими снарядами, от которых горела земля, они повернули обратно в Горки.

Чтобы как-то продержаться и не умереть с голоду, мать отправила Алёшу ходить «по кускам». Она научила, что и как надо говорить: «Люди добрые, подай-

те Христа ради, милостыню сироте».

Ему было стыдно произносить эти слова, так как он не был сиротой. Он плакал и просил маму не посылать его с котомкой через плечо, но она объяснила, что иначе они помрут с голоду.

Один только день он ходил «по кускам», но запомнил это унижение на всю жизнь. Став взрослым, он никогда не проходил мимо просящего и всегда давал ему денег, ведь попрошайничество — это крайняя степень унижения человеческого достоинства.

В войну дети быстро выросли, так как им постоянно приходилось думать о пропитании. Иногда ребята ходили на железнодорож-

ную станцию Погодино, где военные разгружали вагоны с хлебом. Некоторые немецкие солдаты, видя малышей, кидали им по буханке заплесневелого черного хлеба. Это для семьи был настоящий праздник, когда Алёша или брат приносили домой такую буханку хлеба.

Вскоре мать Алёши устроилась на железную дорогу путевой рабочей. Она приносила домой паёк и кусок хлеба. Им стало немного легче, но все равно от голода и авитаминоза дети болели «куриной слепотой»: как только солнце начинало садиться, их глаза переставали видеть. Наступала настоящая слепота, поэтому в темное время суток дети всегда находились дома.

ЗАЛП ЛЕГЕНДАРНЫХ "КАТИОЦ"

Маленький Алёша хорошо помнит, как в середине июля 1941 года они с матерью и братом пристроились к крестьянину с телегой. Люди, коровы и козы на веревках шли в сторону Орши, в беженцы.

Было нестерпимо жарко. Где-то далеко ухала канонада, словно приглушенные вздохи грома.

Усталые беженцы остановились. Мать и Алёша спрятались в тени под телегой и решили немного подкрепиться: выпить воды и съесть по кусочку хлеба. Старший брат Эдик не хотел прятаться под телегу: он выдерживал свой упрямый характер — делать всё по-своему — и стоял возле телеги.

Вдруг стало тихо, зашестел горячий воздух, один за другим, прямо над нами, словно огненные мётлы, пронеслись большие снаряды, которые стали падать на

землю, в реку и взрываться. В местах, куда падали снаряды, всё горело: и земля, и вода, и кусты, и деревья. А у Эдика огненным воздушным вихрем от пролетевшего близко снаряда сорвало и

унесло кепку. Так низко над их головами летели снаряды, выпущенные из реактивных установок, прославленных «Катюш», как их ласково на фронте называли бойцы.

ПЕРВАЯ УВИДЕННАЯ СМЕРТЬ РЕБЕНКА

Когда до Алёши и Эдика дошел слух, что умер их знакомый маленький мальчик, они решили пойти посмотреть.

На улице возле дома группками стояли взрослые со своими детьми и тихо, почти шепотом, разговаривали. На их лицах были скорбь и отчаяние.

Алёшка и Эдик вошли в комнату и увидели маленький гроб, а в нем мальчика,

совершенно белого, аж до жути. Возле гробика сидела мать и плакала. Ее горе было безутешно.

Оказалось, что мальчик очень хотел есть и от голода съел несколько сырых картофелин, что и стало причиной смерти.

Эта картина с мальчиком

в гробу так напугала Алёшу с братом, что они, если удавалось достать где-нибудь картофелину, никогда сырую не ели, а жарили ее на костре, или нарезали кружочками и запекали на трубе топившейся буржуйки. Какая это была вкуснятина!

ОБМАН

Когда город оккупировали немцы, малыши четырех-шести лет, в том числе и Алёшка, не понимали, хорошо это или плохо. Как всегда, ребята играли на лугу возле речушки, протекавшей недалеко от домов.

Однажды немецкий офицер позвал их к себе: «Komm, komm, kinder!» Он вытащил из кармана плитку шоколада, а потом указал рукой на легковую машину, возле которой стояло ведро с тряпкой. Жестами он стал показывать, что надо вымыть машину, и тогда шоколад их.

Очень хотелось попробовать забытую сладость... Малыши постарались и очень тщательно вымыли машину. Немец похвалил их за хорошую работу, весело засмеялся и с громким криком «Weg,

weg!» стал пинками разгонять детей. Это напугало и до слез обидело Алёшу, Эдика и Раю, раз и навсегда научило ненавидеть фашистов, так как этот обман остался в их памяти.

ДВА КУСОЧКА ЧЕРНОГО ХЛЕБА

Приближалась осень. Ветки рябины возле дома горели яркими кистями красных ягод, клены и березы тоже не остались равнодушными к этой поре года и нарядились в праздничные сарафаны цвета меди и багрянца, а трава порыжела и потеряла зеленую окраску.

Эдик уже два года не ходил в школу и перерос для первоклассника. Ему пошел девятый год, и мать решила отправить его в начальную школу, которая открылась недалеко от дома тети Маланьи, жившей в переулке имени Володарского. Мать сши-

ла Эдику холщовую сумку через плечо, сделала из оберточной бумаги тетрадку, вложила ее в сумку и отправила радостного сына в школу.

После обеда он вернулся домой и рассказал матери и Алёше, что учительница очень хорошая. Во время перемены она принесла целую буханку хлеба и разделила ее на всех учеников. Каждый получил по два кусочка черного хлеба. Многие первоклассники не доедали и некоторые на уроках были в полуобморочном состоянии.

— Эдинька, а где хлеб, который тебе дала учительница?

— Мама, мы хлебушек сразу же съели, не могли утерпеть — просто слюнки текли от запаха.

Когда Алёшка услышал про хлеб, которым угощала учительница, у него тоже потекли слюнки, и он подумал: «Я завтра пойду в школу и тоже буду получать два куска хлеба».

Но когда он заикнулся маме о школе, она ему строго ответила: «Какая тебе школа? Хорошо, что Эдика приняли в первый класс, а тебе в феврале исполнилось только

пять лет — ты еще не дорос до школы, сиди дома!» И еще мать добавила, что если он будет хныкать и надоедать — не пустит на улицу.

Время шло. Начался октябрь. Алёшка не успокоился и все время приставал к матери с просьбой отпустить его в школу.

— Мама,пусти меня, я тоже хочу учиться, мне скоро будет шесть лет! — А сам подумал: «Я тоже буду получать два кусочка хлеба, но я съем только один, а другой принесу маме».

Маме его упорное канючинье надоело, и она сшила ему такую же холщовую сумку, как у Эдика, и отпустила, зная, что такого маленького никто в школу не примет.

К обеду братья вместе вернулись домой, и Алёша подал матери маленький кусочек черного хлеба: «На, мама, съешь, ты тоже голодная, а я свой съел в школе». Глаза матери наполнились слезами радости, а сердце наполнилось теплотой. Она крепко прижала голову сына к своей груди, хлеб не взяла и сказала: «Съешь сам! Ты такой худенький, а тебе надо расти».

На следующее утро оба брата опять пошли в школу. Учительница спросила:

— Сколько тебе лет, Алёша?

— Мне скоро будет шесть лет!

— Алёша, ты больше в школу не ходи, ты еще такой маленький. Приходи через год, когда немного подрастешь, а теперь иди домой!

Алёше стало обидно, что

его отправили домой, и он не будет получать эти два кусочка черного хлеба. Идя домой, он всю дорогу плакал.

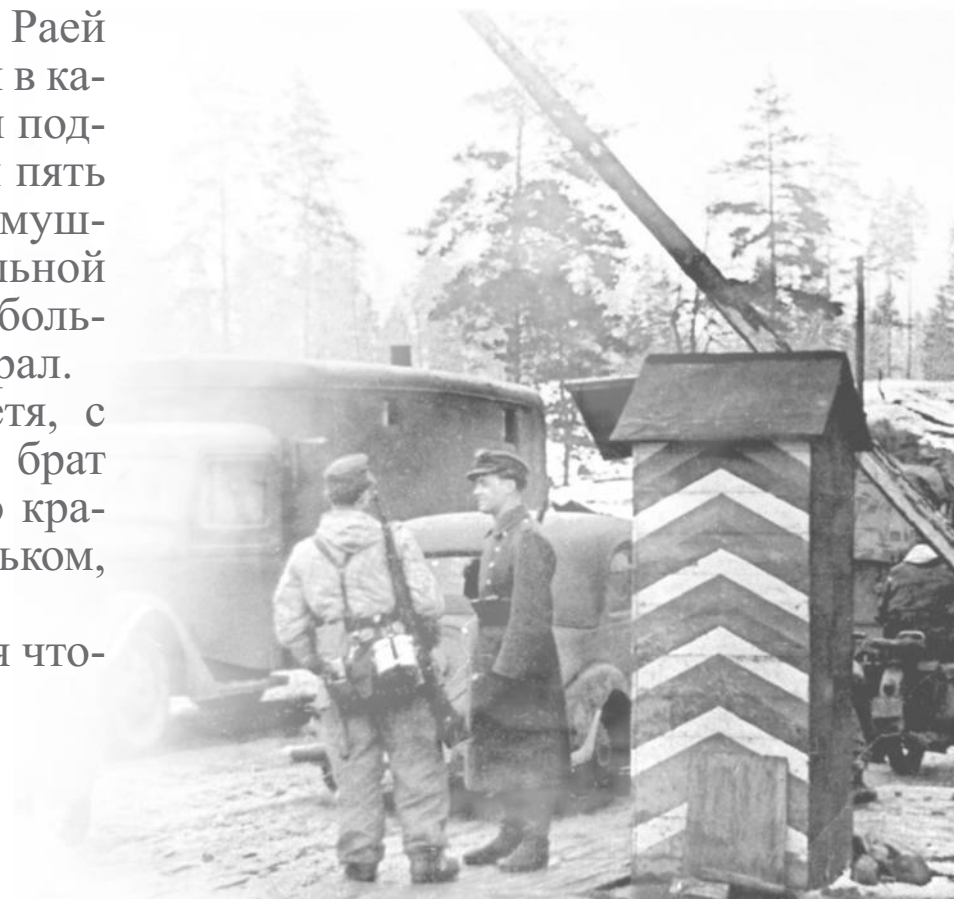
Прошло много лет. Алёша так и не узнал, кто помогал той учительнице, что она хоть и не каждый день, а лишь иногда, угощала первоклашек такими важными для них кусочками ржаного хлеба.

ЛЫЖИ

Кончалось лето, стояла хмурая пасмурная погода. Алёша с соседской девочкой Раей возле своего дома играл в камушки. Они по очереди подбрасывали одной рукой пять небольших круглых камушков и ловили их тыльной стороной ладони: кто больше поймает, тот и выиграл.

К ним подошел Петя, с которым водился его брат Эдик. На голове у него красовалась кепка с козырьком, повернутым назад.

— Алёшка, отойдем, я что-

то тебе скажу.

Малыш посмотрел на него с интересом. Как же, к нему с такой заговорщицкой физиономией обращается самый задиристый и храбрый пацан.

— Отойдем подальше от малявки, чтоб она ничего не слышала.

Петя взял Алёшку за руку и повел его по дорожке вдоль улицы Вокзальной. К ним присоединились неразлучные друзья: Вася, Колька и Ваня. Вскоре ребята остановились недалеко от немецкого склада, обнесенного забором из деревянных столбов, оплетенных колючей проволокой, словно паутиной.

Несколько дней назад Петя с друзьями проходили недалеко от этого склада и увидели, как сюда заехала грузовая машина с брезентом, натянутом над кузовом. Машина остановилась, из кабины выскочили два немецких солдата и открыли задний борт. Один из них влез в кузов, приподняв брезент, и стал подавать лыжи вместе с палками. Весело переговариваясь на своем языке, они быстро выгрузили лыжи и перенесли их под

брезент, которым был укрыт большой высокий ящик. Ребята насчитали около 20 пар лыж, потом машина уехала.

У Пети в голове все время крутилась мысль: «Вот бы стащить у фрицев хотя бы одну пару лыж, ведь уже осень, скоро наступит зима, можно будет кататься на лыжах». Эта мысль не давала ему покоя, и он высказал ее пацанам. Ребята согласились с ним, и через два-три дня у них созрел план, как похитить лыжи.

Когда ребята подошли к задней стене склада, Петя обратился к Алёшке:

— Алёшка, видишь с правого бока большой ящик, укрытый брезентом?

— Вижу.

— А теперь давай посмотрим, что будет дальше.

Ребята стали делать вид, что играют в ножички, а сами исподтишка наблюдали за часовым, который ходил и охранял склад. Вот он стал приближаться к задней стене склада, завернул за угол и пошел дальше. Они в уме прикинули время, когда часовой вновь появится возле ящиков. Получилось примерно 10-12 минут, ко-

торых было вполне достаточно, чтобы подлезть под проволоку и достать из-под брезента пару лыж и быстро вернуться к ребятам.

— Алёша, ты смелый малыш, помоги нам, — обратился Петя. — Надо быстро пролезть под проволоку, подбежать к большому ящику, накрытому брезентом, и взять там одну пару лыж. Мы тебе поможем пролезть под проволоку.

— А немец меня не заметит?

— Если быстро все сделаешь — не заметит.

Ребята по-прежнему делали вид, что играют в ножички. Они подождали, и когда часовой повернул за угол, шепнули Алёше:

— Давай, лезь быстренько под проволоку.

Приподняли нижний ряд колючей проволоки, и Алёшка юркнул, как ящерица, шмыгнул под брезент и тут же вернулся с парой лыж, которые передал ребятам.

Когда Алёшка пролезал под проволоку, его маленькое сердечко кипела ненавистью к наглым фрицам: «Какое право они имели прийти на нашу землю, захватить

наши города и дома, требовать у матери «Млеко, яйко»! Нам самим не хватало еды. Даже бабушка его не пила, все оставляла нам. А как немецкий офицер обманул нас, когда мы вымыли ему машину?»

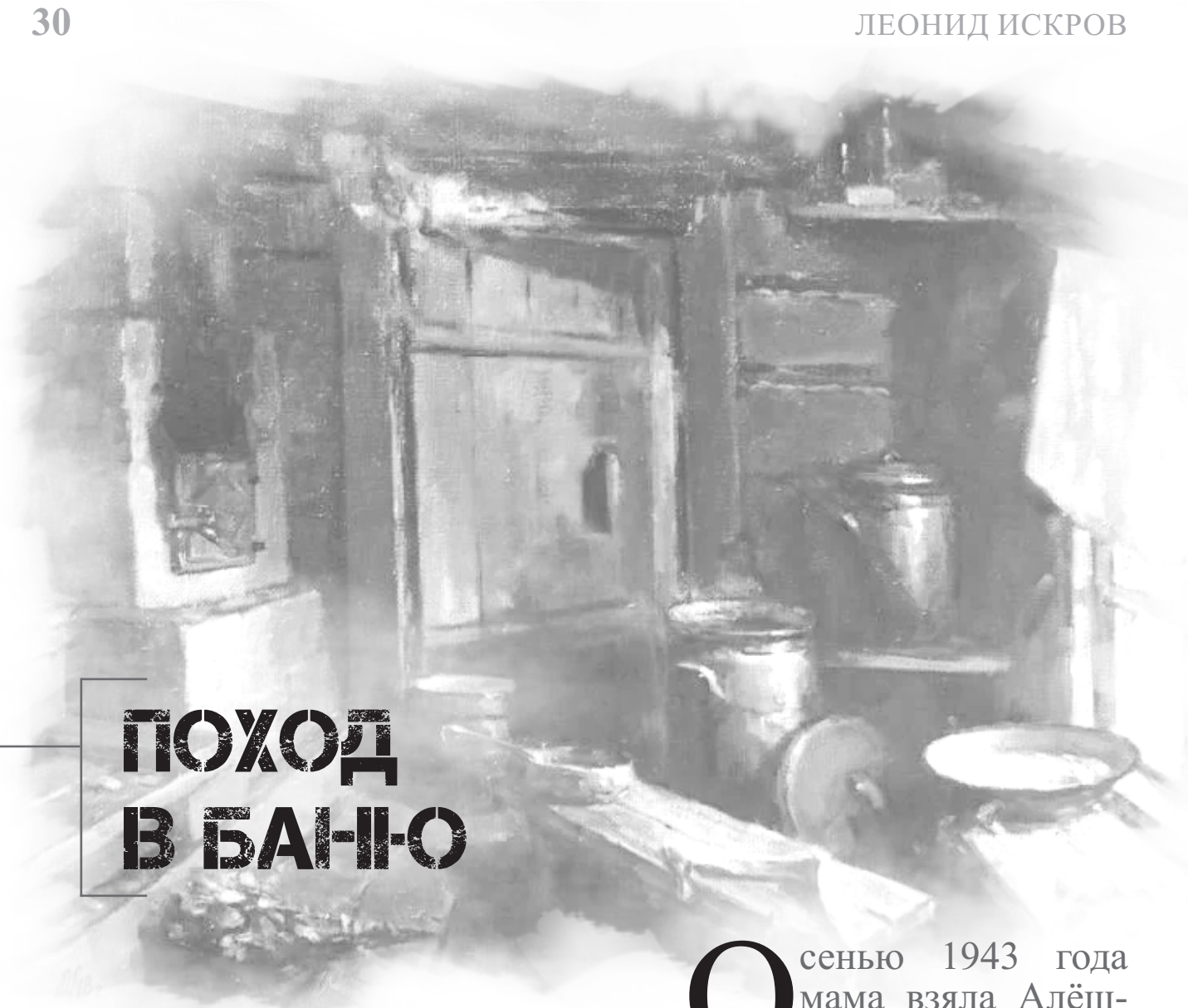
Ох, и страшно было Алёшке лезть под проволоку: вдруг немец вернется, увидит его и тут же застрелит, но обошлось. Ребята поиграли еще, и когда сгустились сумерки, разошлись по домам.

Эдик в это время собирал на лугу щавель, за которым его отправила мама. Мама и тетя Поля спрашивали у него, где Алёша, но тот не знал.

— Где ты был? — строго спросила мама, когда Алёшка вернулся домой.

Но он ничего не сказал: ребята предупредили, чтобы молчал и никому, даже маме и брату, не говорил про лыжи, иначе они все могли погибнуть. Рассказал только Эдику, и он по-братски отвесил ему крепкий подзатыльник.

ПОХОД В БАНЮ

Осенью 1943 года мама взяла Алёшку и Эдика с собой в баню, хотя это и был женский день. Быстро помылись и стали одеваться. Эдик справился быстрее всех и стал проситься на улицу. Мать не хотела его отпускать, но все же отпустила и строго наказала далеко от бани не отходить.

Алёшка с мамой заканчивали одеваться, когда на улице раздался громкий взрыв. Мама побледнела и в ужасе

закричала: «Это Эдик подорвался!»

Они выскочили на улицу и увидели Эдика, который стоял, вытянув перед собой руки, с которых лилась кровь. Только на коже правой руки висели оторванные фаланги двух пальцев: большого и указательного, ладонь левой руки была посечена мелкими осколками, и с нее лилась кровь. Эдик стоял бледный, как полотно, и даже не плакал. Мама схва-

тила его, и они помчались в немецкий фельдшерский пункт. Фельдшер тут же спокойно отхватил ножницами оторванные фаланги и забинтовал пораненные руки.

Оказывается, когда Эдик вышел из бани, увидел, что ребята держат в руках взрыватель от мины. Он отобрал его и прогнал детей подальше, а сам подорвался, пытаясь снять взрыватель с боевого взвода.

УГОН

Поздней осенью 1943 года, когда по ночам уже слегка подмораживало, и лужи на тропинках и дорожках покрывались прозрачной корочкой, словно стекло, оккупанты начали отправлять мирное население в Германию. Угоняли молодых девушек и женщин, стариков и детей не трогали.

Два раза семье удавалось удирать из колонны, не дой-

дя до погрузки в вагоны. Эдик с Алёшкой шмыгали в придорожные кусты и, переждав, пока колонна пройдет, возвращались домой. Также удавалось избежать до момента погрузки в вагоны маме и тете Полине. Но в третий раз обход домов был более тщательным. Немцы входили в каждый дом и выгоняли людей в колонну, которая бесконечной лентой, точно пестрая змея, двигалась по улице. Если немцы в доме никого не обнаруживали, то искали в подсобных постройках: сараях, хлевах и окопах.

Когда мама и тетя Поля увидели, что немцы стали ходить по дворам с овчарками, то все, кроме бабушки,

быстро собрались и спрятались в окопчике, вырытом на косогоре недалеко от дома еще в первые дни войны. Они надеялись, что уцелеют, и таким образом семья спасется от угона в Германию, но не тут-то было.

Однажды к окопчику, где они прятались, подошли двое немецких солдат с автоматами и овчаркой. Мать сразу же подхватила Алёшку на руки и вылезла из окопчика, а Эдик испугался и не стал вылезать.

— Эдинька, быстрее вылезай, а то немцы застрелят тебя.

Плача от страха, что его могут застрелить, Эдик вместе с тетей Полей выбрался из окопчика.

Мать и тетя Поля стали просить разрешения у немцев зайти в дом. В доме никого не было, бабушка уехала к родственникам в деревню Маслаки. Тетя Поля стала объяснять, что надо забрать испеченный на дорогу хлеб, но солдаты не разрешили зайти, чтобы забрать хлеб и какие-либо вещи и выгнали семью на дорогу, по которой в сторону железнодорожной станции Погодино уже

двигалась колонна горожан. Вместе с колонной их пригнали на станцию и стали грузить в вагоны-пульманы.

Тетя Поля подошла к немецкому офицеру, который руководил погрузкой, и на немецком языке, который изучала его во время учебы в Горецкой академии, по-

просилась сходить за хлебом, чтобы семья не погибла в пути от голода. Офицер разрешил. Тетя вернулась с пятью буханками хлеба, и семья была обеспечена питанием на дорогу. Сама тетя каким-то образом уклонилась от погрузки, и мама уехала одна с двумя детьми.

В ВАГОНЕ

Людей в вагоне было набито как селедок в бочке. Грудных и маленьких детей матери были вынуждены взять на руки, а которые побольше — посадить себе на плечи, чтобы во время движения их не раздавили и не покалечили.

Алёшу мама тоже посадила себе на плечи, и первое время он так и ехал, пока люди не утряслись, и на полу в вагоне образовалось пространство, где детям можно было стать на ноги.

Двери вагона были закрыты на запоры, отсутствовало освещение, только под самым потолком светились

маленькое окошко, забранное колючей проволокой.

Алёшка не помнил, сколько дней и ночей они ехали в этом поезде. Он очнулся, когда поезд остановился, и люди стали выгружаться в чистом поле. Когда выгрузились, всех построили в колонну и повели в деревню

Корпушовка Крупского района Минской области, где распределили по хатам на постой.

Одни говорили, что партизаны разобрали рельсы, чтобы спасти людей от угона в Германию, другие – чтобы подальше убрать мирное население от линии фронта.

СТРАДАНИЯ АЛЁШИ

Алёшу, его брата Эдика и маму пустил на постой крестьянин, у которого была грудная девочка. Мать Алёши помогала крестьянину по хозяйству: кормила корову и поросенка, брат Эдик убирал в доме и топил печь, Алёшка должен был нянчить маленькую девочку, смотреть за ней и укачивать по ночам в колыске, чтобы она не плакала.

Первое время Алёша хорошо справлялся со своими обязанностями, хотя ему не нравилось смотреть за грудным ребенком. Мама ему строго наказала, что это его обязанность отрабатывать

хлеб, которым их кормил крестьянин. И он старался, чтобы девочка меньше плакала, укачивал ее в люльке, подвешенной к потолку. Особенно трудно было выполнять эту обязанность по ночам, когда все спали, а девочка просыплась и начинала плакать. Уже несколько ночей Алёша не досыпал, постоянно находился возле ребенка, спал на полу, и как только она закричит – начал качать колыску.

Однажды он разоспался и не слышал, как девочка стала захлебываться от крика. К колыске поднялась мать ребенка, успокоила ее и стала выговаривать разбуженному Алёшке, что если он плохо будет смотреть за девочкой, то хозяин их выгонит. А утром хозяин стал ругать мать Алёши за провинность сына и угрожать, что выгонит их на улицу.

Когда все успокоились, мать стала уговаривать Алёшку потерпеть еще немножко: скоро Красная Армия прогонит немцев, и семья вернется домой. И Алёшка опять стал смотреть за девочкой, пока снова не проспал.

– Квартирантка! – стал ругаться хозяин, – я выгоню вас на улицу, если моя жена будет подыматься ночами и смотреть за ребенком!

Мать со слезами на глазах вынуждена была наказать Алёшу.

– Потерпи еще немного, – просила она, – скоро мы вернемся домой.

И Алёшка терпел. Ему некогда было даже выйти на улицу и поиграть вместе с другими детьми – он все время находился в доме с ребенком. И надеть ему было особенно нечего, а обуви не было вовсе: лапоточки, которые ему сплела бабушка, прохудились и уже не годились для носки. По большой и малой нужде на двор даже зимой он выбегал босиком.

И Алёша продолжал выполнять тяжелую и невыносимую работу – смотреть за капризной девочкой. Его маленькое сердечко наполнялось горечью и болью за себя, за брата и за мать, что хозяин запросто может выгнать на улицу и никто их не защитит. Земля уже остыла, а днем небольшие клочки снега таяли от солнечных лучей.

АЛЁША ХОЧЕТ ОТОМСТИТЬ

Терпение Алёши кончилось, и он решил по-своему отомстить бессердечному хозяину, у которого его семья была на постое.

— Ну, погоди! Я тебе так отомщу, что запомнишь надолго! — думал обиженный мальчик.

Рано утром Алёша по нужде босиком выскочил во двор, прихватив с припечка коробку спичек. Он решил сжечь хлев хозяина вместе с его добром. На нем была только рубашка и короткие штанишки на шлейке через плечо. Возле двери хлева, где находилась корова и поросенок, собрал щепочки и солому, склал их в кучку, чтобы разжечь костер. Крыша хлева, где находились животные, была покрыта соломой. Переступая босыми ногами и прыгая от холода, он только-только успел разжечь маленький костер. В

это время или предчувствуя какую-то неприятность, или по другой причине проснулся хозяин и вышел во двор. Он увидел Алёшку, который разжигал костер.

— Ах, ты, гаденыш! Убью!

Хозяин громко закричал, в бешенстве схватил лежавшую возле крыльца палку и побежал к Алёшке.

Увидев разъяренного хозяина, Алёшка бросился бежать. А бежал он хорошо, научился еще в Горках. Его ноги, замерзшие на холодной земле, замелькали как спицы быстро катящегося колеса в телеге.

Мама Алёшки обычно вставала рано и начинала хлопотать по хозяйству: готовить корове пойло и заваривать кипятком отруби для поросенка. Она услышала крик хозяина, быстро выбежала во двор и увидела, как хозяин с дубинкой гонится за Алёшкой.

— Алёша, куда ты? Замерзнешь голый и босый, вернись! — кричала она громко, но Алёшка уже никого не слушал и ничего не слышал. Он только знал, что за ним гонится хозяин и может его запросто убить... Хозяин,

поняв, что мальчика уже не догнать, вернулся во двор и затоптал уже хорошо разгоревшийся костер возле хлева.

Мать долго гонялась за ребенком, пока он не устал. Она его догнала, взяла на руки и принесла в дом, плача и причитая: “Сыночек мой, ты же мог замерзнуть...”

Алёша представлял собой жалкое зрелище: он дрожал, от мороза не чувствуя своих ног. Мать тут же посадила его на лежанку русской печки, чтобы он быстрее отогрелся. Алёшка почувствовал невыносимую боль, когда ноги стали отходить. От желания быстрее его отогреть мать забыла, что сына надо было не на печь сажать, а опустить его ноги в таз с водой.

Как разъяренная тигрица, мать набросилась на хозяина.

— Ах ты, морда! Я пожалуюсь немецкому начальству, как ты издеваешься над ребенком, не даешь ему выспаться, а ночами заставляешь работать!

Услышав угрозы матери, хозяин притих и не стал больше заставлять Алёшку качать своего ребенка. Он

побоялся, что такая нянька может что-либо сделать с девочкой, или, может, испугался угроз матери. Младенцем стала заниматься его жена.

Алёшка после этого происшествия долго болел: у него начались сильные головные боли и беспокоили простуженные легкие. Мать целых две недели отпаивала его горькой-прегорькой сере-

бристой полынью, пока боли не прошли. Вечерами, когда семья хозяина и квартиранты собирались за ужином, Алёшка просил разговаривать потише, так как громкая речь как обухом била его по голове. От боли он кусал губы, но терпел. Мать его вылечила полынью, так как других лекарств во время войны просто не было.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Хозяин хаты в последние месяцы притих: Красная Армия приближалась, а немцы отступали. Вскоре город Горки и весь район были освобождены от немецко-фашистских оккупантов.

Как радовались люди, особенно вынужденные переселенцы! Они обнимались, слезы радости текли по щекам взрослых и детей. Переселенцы постепенно стали возвращаться в род-

ные места.

Семья Алёши тоже вернулась в Горки, но жить им было негде: их домик немцы разобрали на строительство блиндажа, и семья поселилась на Красноармейском

переулке в доме, хозяева которого находились в эвакуации.

Мать устроилась рабочей на железнодорожную станцию Погодино и помаденьку жизнь стала налаживаться.

ТЕТРАДИ ИЗ ОБЕРТОЧНОЙ БУМАГИ, ЧЕРНИЛА ИЗ САЖИ

Шел последний год войны, приближалась Победа советского народа над фашистской Германией.

Наступил сентябрь, детей надо отправлять в школу, но ни учебников, ни тетрадей не было. Старший брат Алёшки Эдик уже пропустил два года учебы, пока находились в оккупации.

— Мама,пусти меня в школу вместе с Эдиком, — настойчиво стал просить

Алёшка.

— Сыночек, тебе только шесть лет, тебя не примут,— сказала мама, — ты такой маленький! Вот подрастешь, тогда и пойдешь в школу.

Но он так настойчиво просил, что мать наконец-то уступила.

— Ладно, сынок, я сошью тебе сумку для тетрадей и книг, и ты пойдешь в школу.

Из куста холста, который соткала на кроснах зимой, мать выкроила и сшила две сумки для школьных принадлежностей. Но ни учебников, ни тетрадей не было. Но голь на выдумки хитра! Мать где-то достала упаковочной и оберточной бумаги, разрезала ножницами и сшила две тетрадки: потолще — Эдику, а потоньше — Алёше. Нашла у бабушки деревянную ручку с металлической оправой для вставления пера и отдала её Эдику, а Алёшке достался химический карандаш.

— Мама, а как я буду писать, у нас же нет чернил? — неожиданно спросил Эдик.

— Это, дети, не беда! В печной трубе навалом черной сажи: разведу сажу водой, налью в стеклянный

пузырёк — и будут тебе чернила, — сказала мать. Так и сделала.

Первое время они действительно писали чернилами из сажи, а учительница проверяла и ставила отметки красными чернилами, изготовленными из столовой свеклы.

В первый класс начальной школы Алёшка ходил с огромным желанием: тщательно учился складывать буквы в слоги, а слоги — в слова. Скоро он научился читать по слогам, писать. Он хорошо успевал по русскому и белорусскому языку и литературе, а вот арифметике учился неохотно, примеры и задачи решал с ошибками. В результате в таблице за первый класс по арифметике он имел неудовлетворительную оценку.

В конце мая 1945 года, когда закончились занятия в школе, вернулись хозяева дома, в котором временно жила семья Алёши, и попросили освободить дом. Мать написала письмо в г. Сморгонь, где жила ее младшая сестра Ефросинья, и рассказала ей о своих трудностях с жильем. Сестра пригласила

к себе: они жили в большом доме, который им как семье партизана выделил горисполком и сказала, что места всем хватит.

Подгоняемая хозяевами, в спешке мать забыла сходить в школу и взять справку об учебе детей. Когда начался новый учебный год, Алёше исполнилось семь лет, и тетя Фруза отправила его снова в первый класс. К этому времени мать завербовалась на работу и вместе с Эдиком уехала в город Кёнигсберг.

Через некоторое время семья тети Фрузы переехала в город Ошмяны, и Алёша пошел в четвертый класс Ошмянской средней школы №1.

В начале зимы 1948 года

вернулась мать Алёши с братом Эдиком и младшей сестрой Лидой. В доме начались споры и неприятные разговоры, которые доводили мать Алёши до слез. Тетя Фруза твердо заявила: сестра с младшей дочерью может оставаться, а Алёшку и Эдика она оформила в детский дом в местечко Гольшаны, что в 20 километрах от Ошмян. Хотя мать всячески сопротивлялась, но ситуация была безвыходной, и она вынуждена была согласиться.

Оба мальчика отправились в детский дом, а их мать, пока не устроилась на работу, жила в доме сестры в качестве домработницы.

ВКУС РЖАНОГО ХЛЕБА

Алёша никогда не забудет, как однажды мама весело сказала: «Ну, детки, сегодня была зарплата, завтра пойдем на рынок и купим муки. Я испеку хлеб, и вы наедитесь вволю!». Радости детей не было предела.

На другой день мама замесила тесто, одолжив у соседей немного закваски, положила ее на дно дежи... Тесто к утру подошло, и мама, жарко истопив русскую печь, изготовила круглые хлеба, с помощью деревянной лопаты опустила их на под печи и закрыла железной заслонкой.

Дети не могли дождаться, когда же испечется это чудо! Оба подходили к печи, принюхивались — запах поначалу был непонятный, не совсем вкусный...

Наконец мама вынула из печи четыре черные, отливающие гляncем буханки и

аккуратно положила на стол. Побрызгала на хлебы водой, накрыла их чистым льняным рушником, чтобы хлеб отдал пар. Дети сидели возле стола и с нетерпением ждали, когда хлеб поспеет и его можно будет есть...

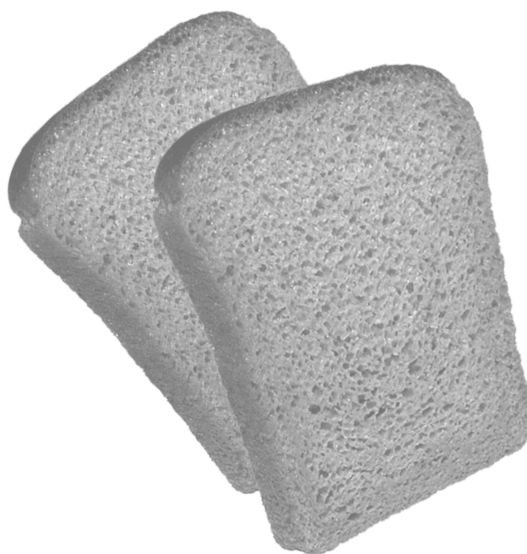
Дождались! Прошептав: «Спасибо, господи!», мама большим ножом отрезала две краюхи и дала детям. Мякоть хлеба была точно такая же черная, как и корка...

Посмаковать хлеб не удалось: он был горек, как полынь, но дети все-таки проглотили по кусочку. Увидев изменившиеся лица детей, мама сама попробовала кусочек, потом заплакала и тихо произнесла: «Ничего, детки, мы этот хлеб порежем тонко, высушим на сухари и съедим с солью...»

Ох, и долго семья ела эти сухари! Сначала обильно смачивали их водой, потом круто посыпали солью — только после этого хлеб и можно было есть. Той выпечки хватило почти на две недели. Оказалось, эта желтоватого цвета мука была смолота из молодых желудей. А настоящему ржаному хлебу, который все же стал

появляться в их доме, дети были рады так, как сейчас некоторые дети радуются самому вкусному торту или шоколаду.

С тех пор Алёша ржаной хлеб-кормилец никогда не променяет на белую булку или пироги. Хлеб можно есть и с супом, и с борщом, и с чаем, если намазать сливочным маслом. Вкуснее ржаного хлеба ничего на свете нет!

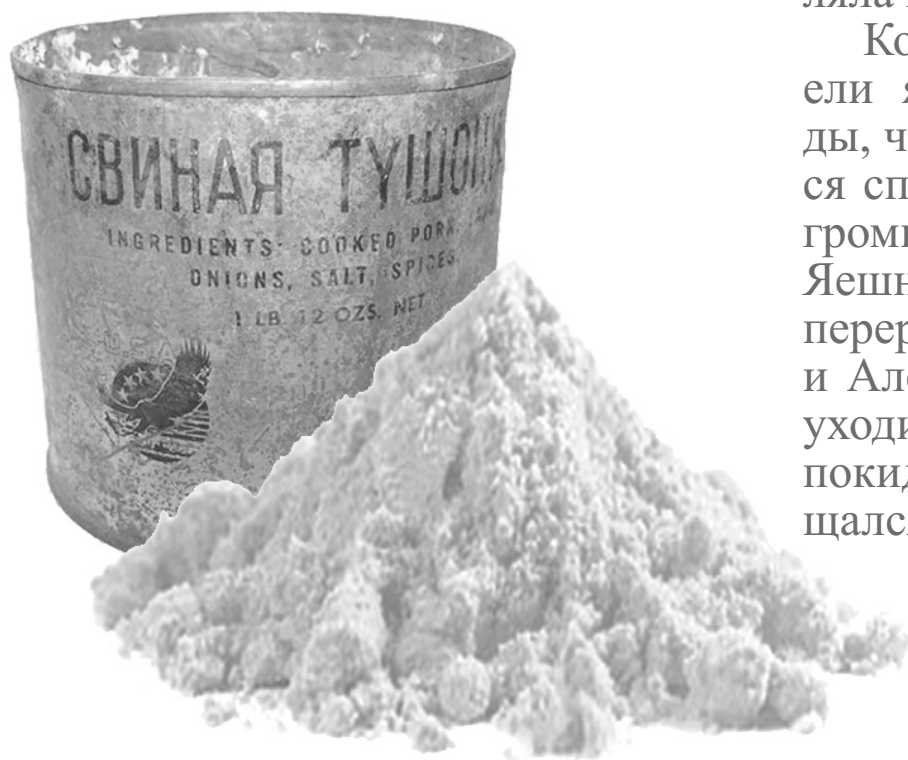

ЯЕШНЮ! ЯЕШНЮ!

Мама Алёши работала на железнодорожной станции Погодино. Алёшка с братом с нетерпением ждали вечера, когда она принесет с работы свой паек: немного хлеба, бумажный кулечек с яичным порошком, а иногда вдобавок и банку тушенки.

Все это богатство мама поровну делила на три части. Брат Эдик, бывало, не мог дожидаться, пока готовилась яичница, и успевал проглотить свой кусок хлеба и горсть яичного порошка, который по ленд-лизу в кредит Советскому Союзу поставляла Америка.

Когда Алёшка с матерью ели яичницу, брат от обиды, что ему не дают, бросался спиной на пол и начинал громко кричать: «Яешню! Яешню!» Он так долго и без перерыва кричал, что мать и Алёшка вынуждены были уходить на улицу. Когда они покидали дом — крик прекращался, возвращались — крик

возобновлялся.

Мама объясняла, что он свою порцию съел, но это для него был слабый аргумент и Эдик продолжал требовать яичницу.

В годы войны от постоянного чувства голода детей спасал только сон. Организм растущего ребенка требовал своего. Дети подрастали в холоде и в голоде.

ДЯДЯ ЕМЕЛЬЯН И ДЯДЯ ПАВЕЛ

В конце мая вернулся с войны дядя Емельян. Он с фронта никаких трофеев не привез. Алёшка не помнит, были ли у него какие награды, во всяком случае, дядя их не носил и о войне ничего не рассказывал.

— Как вы подросли и возмужали! — удивлялся он, глядя на племянников. — Давайте, хлопцы, сходим на рыбалку, что-то мне рыбки захотелось.

— У нас же нет рыбацких принадлежностей: ни удочек с леской, ни крючков, — ответили племянники.

— Это ничего! Нам это не понадобится: я научу вас ло-

вить рыбу простым кошиком, сплетенным из лозы.

Дядя вытряхнул из кошика несколько картошин, и они втроем пошли на маленькую речушку, что протекала недалеко от их дома.

— Хлопцы, я с кошиком полезу в речку, где поглубже, — сказал он, снимая штаны. — А вы метров за пять-семь будете мутить воду. Рыба от шума в мутной воде поплывет по течению, а я ее буду подхватывать кошиком.

Ребята тоже сняли штаны и по команде дяди стали ногами мутить воду.

Дядя вертикально опускал кошик и быстро выхватывал его из воды. На дне кошика трепыхались несколько пескариков, плотвичек и малявок. Так они прошли по реке несколько десятков метров и наловили рыбки и на уху, и на поджарку. Ребята остались довольны такой рыбалкой.

Дядя Емельян был веселый и неунывающий человек. Тетя Меланья в письме нам сообщила: дядя поспори́л с местным попом, любителем зеленого змия, что осенью, когда уже холодно, переплывет Проню в самом

широком месте. Спорили на ведро самогонки: если переплывет — поп ставит водку, а не переплывет — дядя ставит ведро попу.

Он переплыл Проню туда и обратно, а потом вместе с попом выпили ведро самогонки. Только просто так это удовольствие дяде Емельяну не прошло: он тяжело заболел крапивницей, но вылечился и до старости прожил в деревне Маслаки Горецкого района.

Другой дядя — дядя Павел — вернулся с фронта с двумя медалями: «За отвагу» и «За победу над Германией». Из покоренной Германии он привез целый вещмешок хромовых заготовок для пошива обуви. Потом из этого хрома сшил несколько пар сапог, так как он был хорошим сапожником, и этим поддержал семью, продав сапоги на рынке.

ПЕРЕЕЗД В СМОРГОНЬ

Когда Алёша окончил первый класс, семья вынуждена была уехать из Горок, так негде было жить: хозяева дома, который они временно занимали, вернулась из эвакуации и попросили искать себе новое жилье.

Мама написала письмо в Сморгонь, где с семьей проживала ее младшая сестра Ефросинья. Она с мужем, детьми и свекровью проживала в отдельном доме. Сестра предложила переехать на жительство к ней.

— Живите у меня, места всем хватит. Пока устроишься на работу, будешь помогать мне по хозяйству.

В спешке мать не успела взять справку об окончании Алёшей первого класса.

В конце лета 1945 года семья ехала через Минск. Город весь лежал в руинах: возле разрушенных зданий — горы мусора и битого кирпича. Страшно было ходить по улицам: в отдельных здани-

ях целыми оставались только наружные стены или одна стена. Алёшка боялся, что от ветра стена может рухнуть и накрыть их...

На новом месте матери с двумя детьми долго радоваться не пришлось. У сестры было двое детей: старший сын Геннадий и младшая дочь Тамара, совсем крошечная: ей исполнился только годик.

Матери Алёши пришлось работать домохозяйкой у сестры: готовить пищу, стирать белье, убирать в квартире, присматривать за коровой и поросенком. В свободное время мать упорно искала работу, но после войны, особенно приедем, в городе было сложно найти хоть какую работу. Семьи в основном выживали за счет домашнего хозяйства. Муж сестры работал в Сморгонской конторе «Заготзерно», тетя воспитывала маленькую дочь. Все заботы по дому и хозяйству легли на плечи матери. Алёшка тоже помогал смотреть двоюродную сестричку...

Две молодые женщины, хоть и родные сестры, в одном доме дружно ужиться не

могли. Ефросинья была своенравной и капризной, как помещица в давние времена. Начались упреки, ссоры, порою и скандалы. Не найдя работы и не видя иного выхода из создавшегося положения, мать решила куда-либо завербоваться и уехать с детьми от капризной сестры.

Как-то она пришла домой повеселевшая и возбужденная:

— Все, дорогая сестричка! Завербовалась в город Кёнигсберг рабочей подсобного хозяйства в воинскую часть, — сказала, как выдохнула, мама. — Об одном тебя прошу: пусть Алёша на время, пока я устроюсь, останется у тебя. Он даром хлеб есть не будет, а будет помогать тебе нянчить ребенка. Он этому научился в Корпушовке, куда нас вывезли немцы. А старшего Эдика я увезу с собой. Он будет мне помощником в дороге, да и на новом месте.

ОТЪЕЗД МАТЕРИ С БРАТОМ

Откладывая отъезд в долгий ящик мать Алёши не стала, тут же собралась, а собирать-то особо ей было нечего: кое-что из старой одежды ей отдала сестра, деньги на дорогу и билет выдала вербовочная контора. Попрощавшись с Алёшкой и сестрой, мать с Эдиком ушли на вокзал. Уходя, мать сказала: «Алёша, сынок! Поживи немного у тети Фрузы и дяди Васи, они – хорошие, а я, как только устроюсь, приеду за тобой и заберу к себе, договорились?» «Хорошо, мама, я останусь, ты только поскорее приезжай».

Еле сдерживаясь от рыданий, он тихо плакал, и слезы-бусинки быстро бежали по его худенькому лицу. Алёшке было очень горько, что мать уезжает. Он пришел к бабушке Александре и успокоился, только прижавшись к ней и вытерев слезы рукавом рубашки.

Наступил сентябрь. Уже

почти месяц от матери не приходило писем, видимо, у нее что-то не ладилось с работой, хотя через неделю после отъезда по междугородному телефону она сообщила, что уже работает, а подробнее напишет в письме.

Алёше исполнилось семь лет, он стал учиться в первом классе Сморгонской школы. С двоюродным братом, который учился во втором классе, они стали соревноваться. Чтобы ребята хорошо учились, тетя Фруза за каждую отличную оценку обещала давать по рублю и ребята старались: Генка получал пятерки по математике, а Алёшка — по литературе. Сегодня — один впереди, завтра — второй...

В свободное от учебы время ребята ходили на рыбалку. Они смастерили простое орудие лова: на длинную палку тонкой проволокой прикрепили обыкновенную стальную столовую вилку и такой примитивной острогой, стоя на берегу речки или идя вдоль берега, накалывали плотвичек и пескарей. Иногда приносили домой столько рыбы, что хватало и

на уху, и на поджарку.

Незаметно пролетали дни, недели... Тетя Фруза получила письмо из Кёнигсберга от матери Алёши. Мать сообщила, что у нее все хорошо, но она пока не может приехать и забрать Алёшу, так как не с кем оставить Эдика, а везти его с собой — накладно. Пусть Алёшка заканчивает первый класс, а летом она приедет и заберет его.

Двоюродный брат Геннадий, когда приходил со школы, мог идти погулять с ребятами в футбол или баскетбол, а Алёшка должен был отрабатывать хлеб, которым его кормила тетя. Он нянчил двоюродную сестричку, которой пошел уже второй год, вместе с бабушкой убирал в квартире. Бабушку Александру тетя Фруза особенно не жаловала и даже к столу вместе со всеми не приглашала. Ее сын все это видел и мирился. Так уж было заведено в этом доме. Алёшка даже в таком юном возрасте понимал, что это ненормально и очень удивлялся этому.

Тетя Фруза работала учительницей начальных классов, еще до войны была на-

граждана орденом «Знак Почета», который ей вручал лично М.И. Калинин. Она очень гордилась этим и вела себя настолько высокомерно, что даже не желала сидеть за одним столом с неграмотной свекровью.

Во время Великой Отечественной войны ее муж находился в рядах Красной Армии, чудом не попал в плен и продолжил воевать в партизанском отряде на территории Беларуси. С войны вернулся с автоматом и пи-

столетом, которые временно находились у него. В поездке по району для самообороны брал с собой оружие: в районе действовали многочисленные банды, которые расстреливали коммунистов, советских работников, председателей колхозов и сельских Советов. У них в лесах были организованы целые базы, где хранилось оружие, боеприпасы, продовольствие и где в случае опасности могли укрыться они сами.

АЛЁШКУ СПАСАЕТ ДВОИ-ОРОДНЫЙ БРАТ

Однажды Алёша и Геннадий пошли рыбачить на реку, протекающую недалеко от их дома. Погода стояла июньская, ясная: на чистом голубом небе кое-где, словно легкие пушинки, еле-еле плыли перышки-облака.

Солнце не жалело своего тепла и ласковыми, но жгучими лучами уже обожгло носы незадачливым рыболовам. У каждого из них была самодельная острога, Генка, и Алёшка уже накололи по несколько пескарей.

– Гена, я пройду влево по берегу, тут недалеко мостик, где стирают и полощут белье, попробую с него что-нибудь поймать.

– Хорошо. Я буду недалеко от тебя, – безразлично ответил Гена.

Через 1–2 минуты Алёша подошел к дощатому наклонному мостику, который одним концом лежал на берегу, а другим – под водой, на поперечном бруске. Хотя угол наклона мостика был небольшой, но доски от мыла были скользкими. Алёша не обратил на это внимания, смело ступил на доски и поскользнулся: он упал навзничь, съехал в воду и от неожиданности стал захлебываться. Хотя место у мостика было неглубокое, всего около полуметра, но Алёша не успел даже позвать на помощь.

Генка наколол большую плотвичку и закричал:

– Алёшка! Мне попалась хорошая плотва!

На свой крик он не услышал ответа. Генка закричал опять:

– Алёха, ты чего молчишь?

Алёша опять не ответил. Генку как молнией ударило: он слышал какой-то непонятный всплеск, но не обратил на него внимания. Недолго думая, он помчался к мостику и увидел, что незадачливый рыбак лежит навзничь под водой, и только его руки и ноги судорожно дергаются.

«Что это, шутка?» – подумал Гена, но тут рассмотрел, что тело брата полностью находится под водой и понял: Алёша утонул.

Генка молниеносно вскочил в воду, схватил брата под мышки и вытащил на берег. Он перевернул Алёшку лицом вниз, положил животом на свое колено и изо рта брата стала вытекать тонкая струйка воды. Генка стал надавливать ему на спину – струйка стала мощнее. Вскоре Алёша пришел в себя и удивился, когда увидел рядом с собой плачущего Генку.

– Я думал, что ты совсем

утонул и сильно испугался. А ты – живой! Отдохни немного и пойдем домой, только не говори моей маме, что ты чуть не утонул. Иначе я получу хорошую взбучку, и она не разрешит нам больше ходить на рыбалку.

– Я никому не скажу, что случилось, – ответил Алёша. А сам подумал, что это чудо,

как брат почувствовал, что приключилась беда и смог вовремя помочь. Если бы он чуть-чуть опоздал, закончилась бы моя жизнь, так и не начавшись.

Всю жизнь Алексей тепло вспоминал своего двоюродного брата и мысленно благодарил за спасение.

КУРИНЫЙ СУП

Однажды тетя Фруза пришла домой и сказала: «Сегодня будем есть куриный суп». Он не знал, что это такое, так как никогда в своей жизни не ел куриного супа и не пробовал куриного мяса.

Процесс приготовления супа слишком затянулся. Не дождавшись лакомства, Алёшка уснул на печке вместе с бабушкой.

– Алёша, вставай! – позвала его тетка, толкая в плечо. Алёшке очень хотелось

спать, но он слез с печки и в одиночестве сел за стол. Никого из членов семьи рядом не было.

Тетя налила полную тарелку супа и поставила на стол. Суп так приятно пах, куриный аромат так и шибал ему в нос, но, видно, Алёшка не совсем еще проснулся. Он помнил, как зачерпнул полную ложку вкусно пахнущей жидкости, но не донес ее до своего рта... Вдруг почувствовал горячий суп на своем лице: оказывается, он уснул и окунулся лицом прямо в тарелку с супом. В этот раз ему так и не пришлось попробовать на вкус куриного супа.

Этот суп Алёше вспоминается часто. Он не помнил, чтобы когда-либо тетка дала ему кусок мяса или колбасы, которые в доме были почти постоянно. Под Новый год

дядька всегда резал поросенка и делал колбасы, только вот Алёшка их никогда не пробовал. Когда семья садилась за стол, его с бабушкой приглашали редко. Обычно свой скромный завтрак и ужин они ели отдельно от семьи.

С одеждой и обувью было проще. После того, как Генке купали новое, все его старые вещи переходили Алёшке. Но он благодарен тетке, что в такое сложное время на протяжении трех лет она смотрела его, одевала, обувала и кормила. Во всяком случае, он не голодал, рос в семье, правда без материнской ласки и не зная своего отца, которого никогда не видел, даже на фотографии. Не передать словами чувство одиночества и полного сиротства, видя, как дядька и тетка балуют своих детей.

ГОЛОС ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ

Дом, в котором жила семья дяди Васи, стоял на окраине города Сморгони. Летом Алёшка с братом часто гуляли в окрестностях города недалеко от дома. Генка, как старший, был заводилой, а Алёшке, пока тетка была на работе, приходилось присматривать за маленькой сестренкой Тamarой.

В этот день он был свободен. Они с Генкой отошли далеко от дома и увидели, что у изгороди, под столбом, поселились осы. Они решили, что это пчелы и захотели попробовать меда. Без лопаты у них ничего не получалось. Только стали думать, как выкопать столб от забора, которым было обнесено поле, как вдруг кто-то позвал: «Гена! Гена!» Голос был глухой, как будто из-под земли. Алёшку пробрала дрожь, мурашки побежали по телу. Он съёжился от страха и спросил:

— Гена, ты слышишь этот голос?

– Хорошо слышу!

По рассказам о необычных явлениях, о которых пацаны увлеченно рассказывали вечерами у костра, Алёшка поверил в колдовство.

– Слушай, Генка, не отзывайся. Это кто-то из-под земли зовет тебя к себе!

– У меня был братик Сережа, – сказал Генка, – но он давно умер. Видимо, это он зовет меня к себе.

Тут еще раз раздался замогильный голос: «Гена!» От ужаса у обоих по телу побежали мурашки, ребята сорвались с места и стремглав помчались домой...

– Мама, ты звала меня? – запыхавшись, спросил Генка.

– Нет, сынок!

– Меня кто-то трижды позвал по имени, и голос звучал как из-под земли, – объяснил он свой вопрос матери.

– Сынок, может тебя звал твой старший брат, который давно умер? Ты не отзывался?

– Нет, мама.

– Хорошо, сынок, правильно! Не бойся!

Так впервые Генка и Алёшка встретились с чем-

то таинственным и непонятным.

Став взрослым, Алексей нет-нет, да и вспоминал тот загробный голос, и ему становилось неуютно.

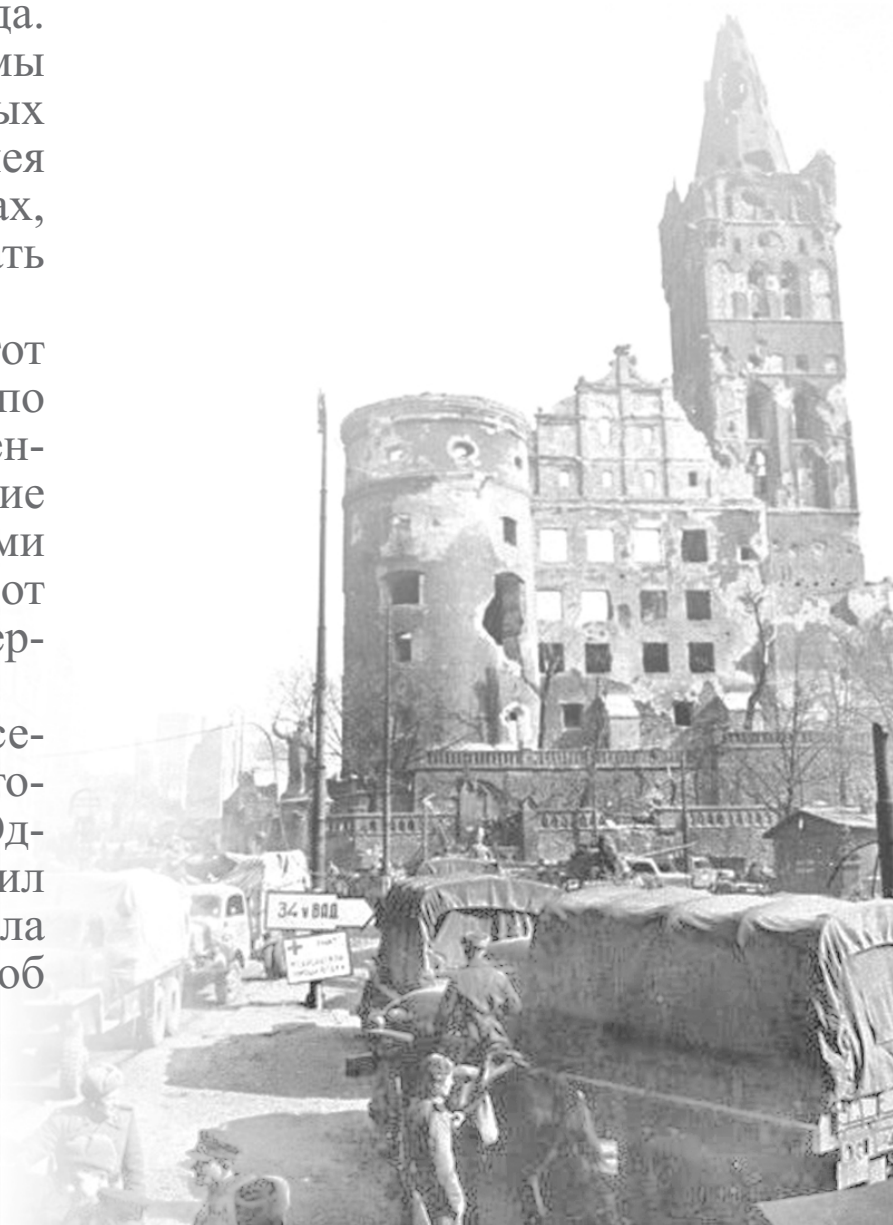
Люди считают, что существуют силы, неподвластные человеческому разуму. Чем больше наука раздвигает горизонты в познании природных явлений, тем больше появляется вопросов. Так называемые «барабашки» могут посмеяться над человеком, но могут и нанести существенный вред: в доме самопроизвольно воспламеняются вещи, из стены дома начинает вытекать расплавленный металл, вещи из квартиры вылетают на улицу. А НЛО (неопознанные летающие объекты): появилось столько информации, что возникла самостоятельная наука уфология, которая занимается фиксированием случаев появления неопознанных летающих объектов и их изучением. Но конца исследованию этих явлений и не видно. Даже космонавты отмечали необъяснимые человеческим разумом явления, с которыми неоднократно сталкивались в космосе.

КЁНИГСБЕРГ

Чувствуя что-то неладное, сразу же после начала летних каникул тетя Фруза решила съездить в Кёнигсберг и отвезти Алёшку матери. Как они добирались в Восточную Пруссию, Алёшка уже не помнил. В Кёнигсберге их с теткой ждал сюрприз: мать Алёшки вышла замуж, родила девочку, которой на момент их приезда исполнилось уже полгода. К этому времени муж мамы погиб при невыясненных обстоятельствах, а она, имея грудного ребенка на руках, вынуждена была работать поваром в воинской части.

Алёшка запомнил этот город: он был огромный по площади и весь разрушенный, как и Минск. Многие дома стояли с разбитыми стенами и выглядели как рот старого человека с выщербленными зубами.

Алёшка с маленькой сестричкой часто гулял по городу, катал ее в коляске. Однажды он резко остановил коляску, и сестра вылетела из нее, ударилась лбом об

асфальт. На ее лбу появилась шишка, которая, к счастью, быстро исчезла.

Однажды Алёшка гулял вместе с другими ребятами. В городе было много немцев с семьями, которые еще не успели выехать в Германию. Один из немецких мальчишек увидел новенького и погнался за ним с ножом. Алёшка испугался более взрослого немецкого мальчика и убегая, стал звать брата:

– Эдик! Эдик! За мной гонится немец с ножом! Помоги, а то он меня убьет!

К счастью, Эдик был недалеко, догнал обидчика брата и поколотил его. Эдик свободно владел разговорным немецким языком и сказал всем немецким подросткам, что это его брат, и чтобы его никто не обижал, иначе они получат по заслугам.

Через несколько дней тетя Фруза стала собираться домой.

– Алёша, ты останешься здесь или поедешь домой?

– Нет, тетя, я поеду с вами.

– Я же тебя привезла, чтобы оставить. Тут твоя мать, твой брат и маленькая сестричка...

– Тетя, я поеду с вами в Сморгонь, – сказал он твердо.

Его маленькое сердечко уже отвыкло от материнской ласки и заботы. И хотя тетка его не баловала, как родного сына и маленькую Тамару, он привык к ним и их дом считал своим домом.

Мать уговаривала Алёшку остаться, но он не захотел жить в этом большом и неудобном городе, в котором никого не знал. А в Сморгони у него был двоюродный брат, который был ближе родного, и бабушка Александра. И он вернулся в Сморгонь, хотя тетке не очень-то этого и хотелось.

Через короткое время семья тети Фрузы переехала в Ошмяны на новое место работы мужа.

РАССКАЗ ДЯДИ ВАСИ О БАНДИТАХ

Дядю Васю перевели на работу в г. Ошмяны и поручили ему организовать колхоз, в котором он впоследствии стал председателем.

Несколько раз в поездках по деревням и хуторам Ошмянского района его пытались убить, но спасало оружие, с которым он не расставался и отстреливаясь от бандитов, уходил целым. Когда крупные банды были уничтожены, ему пришлось сдать автомат, а пистолет оставили как ответственному работнику. Как-то он взял с собой сына и Алёшку, чтобы показать деревню, где находится правление колхоза и по дороге — он с детьми ехал на телеге — дал детям по разу стрельнуть из пистолета.

Он рассказал, что собрал крестьян в деревенский клуб, где должно было проходить организационное собрание по созданию колхоза.

Люди собирались неохотно и собрание затянулось. Вдруг в комнате, которая освещалась одиночной керосиновой лампой, стоящей на столе президиума, брызнули стекла и раздались выстрелы в сторону президиума. Алёшин дядя тут же выстрелом пистолета потушил лампу и вместе с милиционерами, которые присутствовали на собрании, а также работниками райкома партии, выскочили из здания, но никого уже рядом не было. А в темноте искать преступника — то же самое, что искать иголку в стогу сена.

Второй раз дядю подкараулили трое бандитов, когда он возвращался домой по шоссейной дороге от деревни Краковка в Ошмяны. Оружия при себе у него уже не было, его пришлось сдать в милицию. Дядя был крепкого, можно сказать, богатырского телосложения. Прижимая локти к бокам, он легко под мышками переносил мешки по 5–7 пудов.

Когда его встретили трое мужиков и хотели убить, а может просто предупредить, чтобы отказался от должности председателя колхоза, не-

долго думая, он схватил двоих нападавших и столкнул их лбами, а третий, видя, что случилось, мгновенно ретировался в темноту.

На второй день, как ни в чем ни бывало, он явился на работу в свой колхоз и увидел двух колхозников с перевязанными лбами. Но куда заявлять не стал, простил и проработал в этом колхозе еще более 20 лет до выхода на пенсию. Впоследствии правление колхоза приняло решение доплачивать к его пенсии еще 20 рублей как первому председателю за многолетнее успешное управление хозяйством.

ПЕРЕЕЗД В ОШМЯНЫ

Семья Алёшкиного дяди проживала в деревянном доме, при котором был сад, где росли яблони и вишни. Во дворе был хлев для содержания коровы и поросенка, сарай для дров.

На новом месте Алёшка познакомился и подружился с соседским мальчиком Шуриком Михайловским, который был на год моложе Алёшки. Это был паренек маленького роста, щуплого телосложения с вороватыми глазками, которые так и бегали по сторонам. Он дружил с карманниками и уже совершил несколько карманных краж, но пойман не был. Шурик был круглым сиротой, его родители погибли в войну. Чтобы не отправлять мальчика в детский дом, пожилая родная тетка взяла его к себе и занялась воспитанием. В это время ее сын отбывал в колонии 25-летний срок за изнасилование малолетней девочки, которая

залезла в их сад. Тетка взяла к себе сироту, чтобы он помогал ей в саду и огороде, а сама гадала людям. В будние дни людей обращалось мало, а в выходные стояли очереди. Таким образом она зарабатывала на жизнь себе и племяннику.

Алёшка научился мастерить самопалы, но на охоту за город ходил с луком и стрелами с острыми наконечниками. Охота для него складывалась крайне неудачно: на полях и лужайках паслись куропатки, но как только он приближался к птицам — они улетали. Зато в охоте на домашнюю птицу он преуспел.

— Смотри, Шурик, сейчас я попаду в курицу!

Курица копалась в мусоре возле дощатого забора и ничего не подозревала, да и расстояние до нее было метров тридцать. Алёшка натянул тетиву лука и выстрелил. В последнее мгновение курица услышала свист летевшей стрелы и подпрыгнула, пытаясь спастись. Стрела попала ей прямо в голову, и курица повисла на заборе, раскачиваясь как маятник. Алёшка и Шурик испугались такого неожиданного исхода

и тут же пустились наутек.

Второй случай произошел на выгоне, недалеко от реки Ошмянки, где дети играли в футбол. На выгоне, недалеко от футбольного поля, стоял жилой дом, возле которого паслись гуси.

Стояла теплая солнечная погода. Алёшка с Шуриком взяли лук со стрелами и пришли на выгон. Увидев гусей, Алёшка натянул тетиву и, не целясь, выпустил стрелу. Стрела попала гусю в зад. Гуси подняли шум, раненая птица закричала «Га-га-га!», поднялась в воздух и полетела на другой берег реки. Пока на шум птиц хозяева выскочили из дома, Алёшка и Шурик убежали с выгона и растворились между домов улицы Гольшанской.

Ребята с улицы Гольшанской в хорошую погоду собирались на этом выгоне, делились на две команды, с утра и до темна играли в футбол. Иногда игра заканчивалась потасовками, но дрались по-рыцарски, лежащего не били.

Иногда играть в футбол приходили ребята с ближайших улиц. Если гольшанские проигрывали, то зате-

вали драку с пришельцами, но дрались только до первой крови. А когда гольшанские выигрывали на чужом поле, то драку затевали уже хозяева.

Но было у ребят и другое развлечение, более опасное. В Западной Беларуси враждебно относились к полякам и называли их «пшеками», а они, соответственно, не любили белорусов. На этой почве разыгрывались настоящие баталии, и дрались уже не кулаками, а камнями, ко-

торые шпуняли друг в друга. Иногда более сильные загоняли противника в их же дома. Драчуны боялись взрослых, тут же прекращали битву и расходились по домам.

Лето закончилось, Алёшка пошел в четвертый класс русской школы, которая находилась на краю города. Учительницей у него была тетя Фруза, и если он плохо отвечал по какому-либо предмету, то безжалостно получал от тети «двойку».

ОГУРЦЫ

— **А**лёша, завтра с утра пораньше пойдешь в дядин колхоз за огурцами. Он договорился, скажешь, что от председателя! — приказала тетя Фруза. Ему это распоряжение не понравилось, он нахмурился, но промолчал.

Утром тетя дала Алёше мешок и отправила в колхоз. Ему тогда было десять

лет, маленького росточка и щупленький... В овощеводческой бригаде Алёше наложили добрый пуд огурцов. Он легко поднял мешок и понес, но пройдя несколько десятков метров понял, что мешок для него слишком тяжел, а идти до дома больше трех километров. Алёша стал часто останавливаться, перекладывать мешок с одного плеча на другое, но это не помогало. В голове шумело от напряжения, сердце его бешено колотилось и было готово вырваться из груди,

Обливаясь потом, он тащил этот злосчастный мешок. А когда совсем обессилел, стал волоком тащить

его по земле. Сотню раз он останавливался отдохнуть, проклиная все на свете, но мешок волок. Ему казалось позором не донести его до дома. К тому же Алёшка знал, что тетка станет его ругать, если он выбросит огурцы. Алёша не мог понять, почему тетка отправила его одного, без Генки, который мог бы ему помочь.

Много лет спустя Алексей узнал, что это были ворованные огурцы. Их украли в колхозе два взрослых человека, которых не мучила совесть. Родственники использовали племянника Алёшку, а родного сына оберегали от этой грязи.

ДОМ С ЗАКОЛОЧЕННЫМИ ОКНАМИ

Жители города гоняли своих коров за полтора-два километра на пастбище, ко-

торое находилось возле небольшой деревеньки Ажалей. Алёша познакомился с деревенскими ребятами, так как иногда им вместе приходилось пасти коров.

В деревне стоял дом, в котором уже давно никто не жил: окна и двери были крест-накрест заколочены досками.

— Стась, а почему во всех домах живут люди, а в этом, что стоит как бы особняком от других, никто? — спросил Алёшка местного пастушка.

— А в нем никто не может жить — боятся. Раньше тут жила семья: мужик, его жена и двое маленьких детей.

— А куда же они подевались?

— Мужик умер сразу после войны, и в доме стали происходить страшные дела. По обычаю, мужика положили в гроб, чтобы на завтра отпеть с батюшкой и похоронить. У гроба на скамейке сидела хозяйка и плакала, дети залезли на лежанку русской печи и потихоньку заснули. Хозяйка тоже стала дремать, и когда ей стало совсем невмogu бороться со сном, залезла на печку к детям и стала засыпать.

Вдруг видит, как открывается входная дверь, а она точно знает, что закрывала ее, входят несколько человек, молча поднимают на плечи гроб с мертвецом и выносят его.

Хозяйка перепугалась до смерти, хотела бежать к соседям, но побоялась ночью выходить, да и детей одних побоялась оставить. Лежит и дрожит, сердце колотится так, будто пробежала целый километр. Всю ночь она не сомкнула глаз.

Перед рассветом опять открылась входная дверь, те же люди принесли гроб с мертвецом и поставили его на место.

Когда хозяйка рассказала об этом, в деревне перепугались и на отпевание покойника не стали приглашать попа. Покойник остался ночевать в доме. На вторую ночь повторилось всё то же самое. И в третью ночь всё было так же, как и в первую.

После этого мертвеца похоронили без попа и без отпевания.

Дом был большой, просторный, еще крепкий. Вдова нашла иногороднего покупателя, быстро продала дом

и уехала к родственникам.

Новые хозяева надолго в доме не прижились. Попробовали найти покупателей, но продать дом так как не смогли, заколотили досками окна и двери куда-то уехали.

Люди в деревне говорили,

что бывший хозяин дома был связан с нечистой силой, поэтому за гробом приходили черти и трижды выносили его тело из дома.

До сих пор стоит этот дом с заколоченными окнами, и никто в нем не хочет жить.

ИЗБАВЛЕНИЕ ТЕТКИ ОТ ПЛЕМЯНИКОВ

Наконец-то наступили долгожданные зимние каникулы!

Алёшка раздобыл где-то кусок толстой стальной проволоки, обрубил ее на лезвии топора, загнул края молотком и вбил в подготовленную деревяшку. Через прорези в ней продел две бечёвки и палочками-закрутками зажал их на валенке, которые ему к зиме как сироте подарила школа. Обув таким образом в «железо» правую ногу, он, радостный, выбежал на улицу.

Стоял сильный мороз. Солнце светило так ярко, а снег блестел так ослепительно, что Алёшка только и успел воскликнуть: «Ух, ты!» и зажмурился от рези в глазах.

Его друг, Стасик, уже поджидал на дороге. У него на ноге был настоящий «снегурок» и он, отталкиваясь свободной ногой, легко заскользил по укатанной машинами и санями блестящей дороге.

– Догоняй!

Ветер свистит в ушах. Жарко! От напряженной работы ногами Алёшка вспотел, шапка сбилась на затылок, белобрысые волосы лезли в глаза. Лицо стало красным, как рак, вытщенный из кипятка. Ребята катались до изнеможения.

Домой Алёшка пришел поздно. Он накатался всласть, правда, чуть не попал под машину, но вовремя сориентировался и упал в мягкий снег на обочине дороги.

– Алёша, – тетя Фруза искоса посмотрела на него, – завтра утром тебя и брата дядя отвезет в детский дом в Гольшаны. Там вам будет лучше! Маме твоей сей-

час очень трудно, она пока не работает, а у нее, кроме вас, маленькая дочь, за которой нужен уход. С вами тремя она не справится.

– Тетя, я не хочу в детский дом! – сердито ответил Алёша. – Я хочу жить здесь. На его глаза набежали слёзы.

– И кормят там хорошо, – настойчиво продолжала уговаривать тетя. Ее черные строгие глаза учительницы словно иголками кололи его щуплое тельце. Он съежился от этого взгляда, тихо отошел к кровати, покоровшись своей участи, которая привела его в отчаяние.

Алёша хорошо представлял себе детдомовцев. В их небольшом городке на соседней улице был детский дом, и он не мог понять, почему тетя решила сдать его и брата не в этот детдом, а куда-то далеко, в Гольшаны, до которых надо добираться аж целых двадцать километров, а в Ошмянах детский дом находился совсем рядом.

Алёшка недолюбливал и побаивался детдомовских ребят: они все были одеты в одинаковую одежду, хорошо дрались и были очень дружны. Когда местные ребята

схватывались с ними, то всегда уходили побитыми. Но его не пугали их кулаки — с ним в детдом уезжает старший брат Эдик, который всегда сумеет защитить его от обидчиков. Алёшке было обидно от того, что мама промолчала, когда тетя сообщала им об отправке в детский дом, а потом пошла в свою комнату и долго плакала.

Почему тетка говорит, что мама не работает? У тети двое своих детей и муж — председатель колхоза. Мать работает у них домохозяйкой: доит корову, ухаживает за поросятами, готовит еду для тетиной семьи, стирает и убирает в доме, а Алёшка нянчит маленькую двоюродную сестру.

С этими нерадостными мыслями Алёшка уснул. Ему приснился сон: он гонит корову на пастбище, а она сердитыми глазами смотрит на него и больно бьет его хвостом, как толстой веревкой, по спине и по лицу.

— Алёша, вставай, надо собираться в дорогу, — будила его мама, осторожно дотрагиваясь до плеча рукой. — Эдик уже встал и сдается, — и стала утирать красные

от слез глаза концом белого ситцевого платка.

— Не плачь, мама! Ты будешь приезжать ко мне в детдом? — спросил Алёшка и на его глазах заблестели слезы.

— Не знаю, сынок, как получится, — сказала она тихо.

Алёшка быстро встал, выпил стакан молока. Оделся потеплее: пальто, сшитое из старой дядиной солдатской шинели, валенки, шапку-ушанку, рукавички и вышел во двор.

Была тихая морозная ночь. Снег от лунного света блестел и переливался бисером на ветках деревьев, на крыше дома и на дощатом заборе. Но эта красота не радовала детей. Насупившись перед неизвестностью, они молча топтались по двору.

Заскрипел снег под полозьями саней, послышалось фыркание лошади. С большака к их дому во двор въехали розвальни, на которых пышной горкой колыхалось сено. Дядя шел рядом, держа в правой руке вожжи, а в левой — кнут.

— Тпру—у—у! — сказал дядя. Пегая лошадь с заиндеветшим крупом остановилась, с шумом выдохнув из ноздрей

облако теплого пара.

— Ребята, готовы в дорогу? — весело обратился дядя к мальчишкам.

— Да, готовы, — нестройно ответили они.

— Я зайду перекушу, а вы посмотрите за лошадью, — и он бросил на снег перед мордой лошади охапку сена.

Лошадь аппетитно захру-

стела свежим, пахнущим медовым ароматом разнотравья сеном, и от удовольствия замахала пышным белым хвостом. «Вот бы с этого хвоста надергать волос для лески на удочку» — подумал Алёша, но потом вспомнил, что в детском доме его, конечно, не пустят на рыбалку, и удочка будет не нужна

ДОРОГА В ДЕТСКИЙ ДОМ

Из дома вышел дядя Вася.

— Садитесь в сани, — сказал дядя и указал на горку сена. Сам уселся впереди с левой стороны, круто повернул лошадь, и они выехали на дорогу.

Сначала ехать было хорошо: лежишь себе на сене, лошадь пофыркивает и перебирает мохнатыми ногами, из-под копыт, словно искры, летят брызги снега, но до ребят они не долетают.

Когда выехали за город, лошадь пошла шагом. Алёшка и Эдик незаметно задремали, убаюканные скрипом мерзлого снега под полозьями. Под легкую одежку стал пробираться холод. Алёшка почувствовал острое покалывание в ступнях и кончиках пальцев на руках. Мороз все крепче и крепче брался за маленьких седоков. Дядя забеспокоился, что не слышит возни и разговоров за своей спиной и стал расталкивать детей.

— А ну-ка пешочком пройдите! — и заставил ребят бежать за санями, чтобы они согрелись.

Когда Алёшка соскочил с саней, чуть не упал: ноги не слушались, были словно

ватные, но уже через короткую пробежку согрелись, и Алёшка вслед за Эдиком уселся на сани и стал смотреть на луну.

Сани мягко катились по дороге, и луна плыла вслед за ними не отставая, изредка забегая за редкие облака. Он не мог понять, почему луна не остается сзади, а бежит вместе с ними...

Вдруг с левой стороны дороги раздались пронзительные, берущие за душу завывающие протяжные звуки «У—и—и—и...»

Лошадь застригла ушами, захрапела и стала задирать кверху морду с вытаращенными глазами. Сани как раз въезжали в Осиновский лес, где по словам местных ре-

бят, было много осин, гадюк и болот.

Алёша с братом как-то ходили в этот лес, но змей там не видели. Однажды им повезло: наткнулись на поляну крупных светло-оранжевых ягод. Их было так много, что лукошко для грибов они заполнили ягодами, а грибы пришлось ссыпать в рубашку, у которой завязали рукава.

Когда тетя увидела эти ягоды, она подозрительно посмотрела на Алёшку и спросила, где они их нарвали. По туманному рассказу братьев так и не поняла, в каком месте растут такие крупные и вкусные ягоды. Через несколько дней они снова пошли в Осиновский лес, но на то место так и не вышли.

Протяжный душераздирающий вой раздался с новой силой и стал значительно ближе.

— Дети, надо ехать быстрее, чтобы проскочить этот лес. — Крепче держитесь, где-то недалеко воет голодная волчица и собирает стаю, — сказал дядя и стал нащупывать рукой топор. Он хлестнул кнутом изрядно перепуганную лошадь, которая

рванулась из последних сил и понесла сани.

Мальчишки замерли от страха, уцепившись за боковые жерди-дробины, чтобы не вывалиться из розвальней. Лес стал расступаться, они выехали в чистое поле. Вой волчицы остался где-то позади.

— Кажется, пронесло, — сказал довольный дядя Вася и пустил лошадь медленным шагом.

Дальше ехать стало неинтересно, да и ребята устали. Весь остаток пути они то спали, то делали пробежки, спасаясь от мороза. Въезжая в местечко Гольшаны, ребята проснулись и нахохлились, словно воробьи.

Остановились возле костела, слева от которого стоял двухэтажный дом из белого кирпича. Дядя пошел в этот дом, но вскоре вернулся. «Пойдем к директору, он хочет посмотреть на вас», — произнес он бодрым голосом. Глаза его блестели как у кота при виде масла. Дядя был доволен, что всё так гладко вышло: и доехал хорошо, и директор быстро принял детей.

В ДЕТСКОМ ДОМЕ

В комнате Алёша увидел приветливое лицо немолодого мужчины, который сидел за столом и держал какие-то документы. Это оказались их ученические билеты с фотографиями.

— Ребята, теперь вы будете жить и учиться у нас в детском доме, — ласково обратился он к ним. — Меня зовут Виктор Станиславович, а с вами я уже познакомился по документам.

Вскоре в комнату вошла женщина и повела их в раздевалку. Они переоделись в новые хлопчатобумажные костюмы и новые ботинки, а потом их отвели в спальный корпус. Ребята попали в разные группы: Алёшка — к четвероклассникам, а Эдик — к пятиклассникам.

Воспитательница представила Алёшку ребятам и сказала: «Вот, детки, вам пополнение». Подтолкнула в спину и вышла из комнаты. Как только дверь за ней

закрылась, ребята окружили его и стали подзуживать высокого с удлинённым лицом и серыми глазами белобрысого парнишку: «Ну, Арнольд, дай ему хорошенько!».

Арнольд нехотя подошел к Алёшке. Он был на целую голову выше его. Ребята раступились и затихли в ожидании. Время от времени слышались шепотки: «Арнольд ему надаёт, вот увидишь!».

Не успел Алёшка что-либо сообразить, как острый кулак Арнольда ткнулся ему в грудь. Алёшка ответил толчком в плечо. Вдруг что-то тяжелое ударило Алёшку прямо в переносицу. Из глаз посыпались искры, из носа потекло что-то теплое и соленое, из глаз — слёзы. Он провел ладонью по лицу и увидел кровь.

— Ах ты так! — закричал он в азарте, — вот ты как!

Он сорвал с ноги ботинок, зажал его в правой руке, а левой рукой ухватился за Арнольда и стал изо всей силы бить его ботинком по лицу и голове. Арнольд не ожидал такого яростного сопротивления и еле успевал прикрываться руками и лок-

тями. После нескольких ударов ботинком у него из носа потекла кровь.

От боли и обиды, что его враждебно встретили воспитанники детдома, Алёшка так разъярился, что ребятам пришлось его оттаскивать от противника, приговаривая: «Хватит, принимаем в группу!». С трудом это им удалось, а то неизвестно, чем бы всё кончилось.

— Алёша, молодец! — похвалил его широкогрудый голубоглазый Сашка, атаман и заводила. Он был признанным лидером детдомовцев. — Не плачь, больше тебя никто не тронет.

Сашка по-дружески обнял Алёшку.

Так состоялось первое знакомство Алёшки с детдомовцами и детдомовскими порядками. Оно же было и вступительным испытанием. С этого момента его уже никто не обижал. Как потом рассказали Алёшке, Арнольд — немецкий мальчик, который каким-то образом во время войны оказался в Беларуси и как беспризорник попал в детский дом. Его отловила милиция, когда он бродяжничал, неплохо

научившись разговаривать по-нашему.

Алёшку душила невыносимая обида, что его увезли из родного дома, где у него были мама с сестрой, близкие друзья. После ужина он забился в угол и горько плакал, прощаясь со своим детством. Алёшка понял, что отныне ему самому придется заботиться о себе, и от этого будет зависеть вся его дальнейшая жизнь.

Постепенно Алексей привыкал к детскому дому. Учеба, строгий распорядок дня, притирка к новым товарищам стали вытеснять воспоминания об Ошмянах, но временами на него накатывала невыносимая тоска. Алёшка уединялся и со слезами вспоминал растерянную и плачущую мать. Но детское горе быстротечно и отходчиво, словно проплывающие в небе облака, и оно сменялось минутами радости и надежды. Он приходил в себя, включался в общие дела, мальчишеские заботы и увлечения.

Алёшка быстро сдружился с ребятами своей группы, да и с Арнольдом после той кровавой стычки больше не

враждовал. Особенно близко он сошелся с Сашкой-атаманом, они стали просто неразлей вода. Сашку уважали все ребята за его смелость, дерзость, несколько побегов из детского дома, но больше за его открытый характер.

Сашка тоже ходил в четвертый класс. Он больше любил точные науки, получал по математике хорошие и отличные оценки, зато по гуманитарным дисциплинам успевал посредственно. Алёшке же нравилось изучать историю, географию, литературу, а вот по математике, физике и химии он успевал с трудом.

Ребята из Гольшан поначалу враждебно относились к детдомовским воспитанникам в классе, называли их беспризорниками, воришками и бандитами. На этой почве регулярно случались конфликты, серьезные стычки с “пшеками”, но попробовав крепких детдомовских кулаков, они уступили и больше их не задирали. Однако между собой они и не дружили, соблюдали нейтралитет.

Местные ребята разговаривали на смешанном белорусско-польском языке.

Сначала детдомовские их понимали плохо, но постепенно освоили диалект и при разговоре с местными, на-

пример, о рыбалке, использовали отдельные польские слова: “петронг” – форель, “келб” – пескарь.

ИГРА В ФУТБОЛ ЧЕРЕПОМ ЧЕЛОВЕКА

Было послеобеденное время, стояла теплая летняя погода. Служба в костеле не велась, и его двери были закрыты. Детдомовские ребята во главе с Сашком проникли за ограду костела и стали играть в футбол металлической банкой из-под консервов. Кто-то из ребят сильно ударил по банке, и она, задребезжав, подлетела к железной решетке, которая была вмурована над подвальным окном. Через эту зарешеченную раму хорошо было видно дно подвального

помещения, которое выглядело не очень глубоким.

Ребята подошли к решетке и Сашка, смерив оценивающим взглядом Алёшку, сказал:

– Ты самый худой из нас и сможешь пролезть сквозь эту решетку. Ну-ка, попробуй!

Алёшка примерился: голова пролезала свободно, значит, и тело пролезет. Ему и самому стало интересно побывать в этом подвале и посмотреть, что там есть.

– Я попробую пролезть. – И он стал бочком протискивать свое худое тельце сквозь железные прутья и вскоре оказался на подоконнике внутри подвала. Хорошо, что до пола было невысоко, и он без труда спустился в подвальное помещение.

В нос шибанул неприятный тлетворный запах нежилого захламленного помещения. Сначала было темно, он ничего не видел. Постепенно глаза привыкли к сумеркам: Алёша увидел какие-то тряпки, а немного в стороне, ближе к левой глухой стене подвала, – скелет человека.

Алёшка оторопел, от страха волосы на голове ста-

ли дыбом, по телу пробежали мурашки.

– Алёшка, что ты там видишь? – слышался глухой Сашкин голос.

Алёшка постепенно стал приходить в себя.

– Тут... скелет... человека... целого, – произнес он дрожащим голосом с остановками после каждого слова.

– Лёша, а голова есть у скелета?

– Да, череп на нем.

– Ты попробуй дотронуться до черепа, и, если он отделится от тела, подай его нам. Он же круглый, как мяч, будем им играть в футбол.

Алёша со страхом подошел к скелету, дрожащими руками дотронулся до серого черепа – он легко откатился от позвоночника, будто и не был прикреплен к скелету. Взял череп, подошел к окну и через решетку просунул его Сашке, а сам быстренько выбрался наружу из этого страшного подвала.

И ребята, как ни в чем ни бывало, стали гонять этот череп ногами вокруг костела. Когда ударяли сильно, череп клацал нижней челюстью и издавал такие звуки:

«кляц-кляц-кляц». Это продолжалось недолго, вскоре нижняя челюсть отвалилась и потерялась в траве.

Наигравшись, ребята вернулись в свою комнату. К счастью, воспитателя в комнате не было, и никто не обнаружил, что пятеро из них: Сашка, Алёшка, Арнольд, Стасик и Володька уходили в самоволку.

На следующий день после занятий в комнату зашел директор, Виктор Станисла-

вович, и сказал, что кто-то из детдомовских ребят залез в подвал костела и отделил череп от скелета. Верующие католики нашли этот череп на территории костела, а кто-то из прихожан видел детдомовцев, которые бежали вокруг храма и доложили ксендзу.

Но никто из ребят не признался: сексотов детдомовцы не любили и всегда жестоко наказывали.

"ТЕМНАЯ"

Как и любая детвора, детдомовцы — неутомонные и упрямые ребята. На зло директору, воспитателям и учителям, и чтобы просто повеселиться, завоевать определенный авторитет среди сверстников, они придумывают какие-то шутки и каверзные проступки. Но среди них находятся ябедники, которых ребята называют сексотами. О всех проделках своих товарищей они докладывают

директору и воспитателям. Виновных за проделки наказывают: сажают под ключ в темную комнату, так называемый карцер, и держат сутки на хлебе и воде.

В свою очередь, возмездие товарищей настигает сексотов незамедлительно. По понятиям, наказание ябедника должно в полной мере компенсировать его проступок против коллектива. Наказание обычно совершается в ночное время, когда

в помещении нет взрослых.

После отбоя, когда воспитатель проверит наличие всех воспитанников, один из ребят, кто пользуется уважением, поднимает несколько человек, обычно 4–5. Они подходят к кровати спящего сексота, будят его и как только он, ничего спросонья не понимая, садится на кровати, набрасывают на голову одеяло. Одни держат его, а остальные набрасываются и начинают кулаками колотить

жертву. Бьют в зависимости от тяжести преступления, однако попадает по различным частям тела. Все происходит быстро, буквально за несколько секунд. Вместе с тем, осторожность тщательно соблюдают, чтобы не переусердствовать и излишне не наказать, если экзекуция над сексотом проводится впервые. Виновный делает соответствующие выводы и следующий раз ябедничать остерегается.

"ВЕЛОСИПЕД"

Это наказание в корне не отличается от «темной».

Если кто-то вел себя неправильно, слишком самоуверенно или высокомерно, не уважал авторитет лидера группы, коллектив решал прокатить виновного «на велосипеде». Наказание проводится ночью, чтобы воспитатели не могли помешать.

К спящему тихонько подходят 2–3 человека со спич-

ками и полосками бумаги, освобождают от одеяла ступни ног, вставляют между пальцами полоски бумаги и поджигают их.

Пока бумажки не разгорятся, наказываемый ничего не чувствует. Но когда они разгораются и начинают обжигать ступни ног, тот спросонья не понимает, что происходит, начинает махать ногами как будто крутит педали велосипеда. От этого го-

рение бумажек усиливается, огонь начинает припекать. Виновник чувствует боль и окончательно просыпается, начинает плакать. Но рядом уже никого нет: все разбегаются, прыгают в свои кровати и делают вид, что спят.

Наказанный «велосипедом» еще долго будет чувствовать боль от ожогов и не

забудет этого до конца своих дней. Это заставит его подумать над своим поведением и в различных ситуациях поступать с учетом мнения своих товарищей.

Алёше не приходилось быть участником и свидетелем «темной» и «велосипеда», но об этом он знал из рассказов своих товарищей.

ПРОДЕЛКИ С ПЕРЛОВОЙ КАШЕЙ

Всего три года прошло после победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны. Жизнь советских людей была тяжелой, продовольствия в стране не хватало, но беспризорников в детских домах кормили сравнительно неплохо. К примеру, рыбий жир давали ежедневно по столовой лож-

ке, иногда давали и красную икру.

Часто кормили перловой кашей, и тогда по инициативе наиболее хулиганистых подростков каша оказывалась на потолке столовой. Обычно кашу подавали в алюминиевых тарелках. Ребята ребром ладони сильно ударяли по краю тарелки, она подлетала к потолку и каша приклеивалась. После такой наглой демонстрации собственной

пресыщенности воспитатели наказывали зачинщиков этого аттракциона. Правда, не всегда удавалось найти виновных.

В то время, когда население недоедало, воспитателям и поварам было обидно, что их воспитанники не ценят, что государство делает все для того, чтобы дать каждому воспитаннику полноценную порцию, так необходимую растущему организму.

ВКУС ДЕРЕВЕНСКИХ СЛИВОК

Жизнь детдомовцев — не сахар. Дети лишены родительской заботы, материнской ласки и поцелуя, объятий отца и его крепкого рукопожатия. Хорошо, если воспитатели относятся к ним с пониманием и сочувствием, дарят им свое тепло. Но у них — собственные дети, и есть кого любить, о ком искренне заботиться и пережи-

вать. Чужим детям остается лишь эхо от любви воспитателей к родным детям.

Детдомовские ребята выработали собственный кодекс поведения и дружбы. Они крепко привязывались друг к другу, как родные братья. Свою душу детдомовец мог раскрыть только закадычному другу, который как никто его поймет и не предаст.

Таким другом для Алёшки стал Сашка.

— Лёха, а ты пробовал когда-нибудь настоящие молочные сливки? — после отбоя спросил Сашка.

— А что это такое?

— Если хочешь, то я тебя свожу в одно место, и ты попробуешь их, вот только станет немного темнее.

Стоял зеленый красавец июнь. Птицы пели на все голоса: бойко чирикали воробьи, мелодично свистели юркие синички, тонким свистом «цвись—цвись—цвись» пищали галки, свое тоскливое «ку—ку, ку—ку» выдавала кукушка, соловьи уже умолкли.

В одну из таких тихих летних ночей, когда выкатилась, словно на праздник,

луна и медленно поплыла по небу среди своих подружек-звездочек, Сашка подошел к кровати Алёшки.

— Вставай, только тихо!

Со свободной кровати они сняли две простыни, скрутили их жгутом и связали. Одни конец простыни привязали за шейку батареи отопления, а второй конец выбросили в окно. Сашка высунул голову в открытое окно, посмотрел — простыня на полметра не доставала до земли. Крепко ухватившись за импровизированную веревку, вылез в окно и стал медленно спускаться, а когда стал на ноги, тихо произнес: «Давай, Лёшка, лезь, не трусь!». И Алёшка точно также съехал вниз со второго этажа.

— Пошли! — шепотом скомандовал Сашка, и они, словно заговорщики, быстро прошли мимо водяной мельницы, перешли мост и направились на хутор, дорогу к которому хорошо знал его друг. Миновали небольшой лесок и вышли к усадьбе. Недалеко от дома стоял колодец журавль, на одном конце которого висело ведро, а на другом для проти-

вовеса было привязано два кирпича.

Тихо, чтобы не шуметь, как следопыты-охотники ребята подобрались к деревянному срубу колодца. На верхнем бревне сруба Сашка обнаружил гвоздь, к которому был привязан шпагат, и стал ловко поднимать из колодца небольшое ведро с молоком. Раздался звук падающих капель воды, и вот уже в руках Сашки оказалось ведро. Он снял с него крышку и приказал: «Пей, только осторожно!»

Алёшка приник губами к ведерку и потянул в рот вязкую вкусную жидкость, которая таяла во рту. Сделав несколько глотков, он с сожалением оторвался, чтобы передохнуть и дать зубам отойти от холода.

— Хватит! — шепотом сказал Сашка. Он сам приник губами к ведерку и сделал несколько жадных глотков. Закрыв ведерко крышкой, стал осторожно опускать его обратно в колодец.

— Попробовали, и хватит. Много отпивать нельзя, а то хозяйка обнаружит и тогда нам больше не придется полакомиться сливочками.

Они отсутствовали полтора-два часа. Никто из ребят не проснулся и не услышал, как по спущенным простыням они обратно влезли в комнату.

Развязали простыни, разгладили их руками и застелили кровать воспитанника, который вот уже неделю находился в бегах и его разыскивала милиция.

Ребята улеглись спать, хотя на сон им оставалось не более трех часов.

Вот так Алёшка впервые в жизни попробовал деревенские сливки, и запомнил этот сладковатый вкус на долгие годы.

КАК АЛЁШУ НАУЧИЛИ ПЛАВАТЬ

Недалеко от костела, возле двухэтажного здания общежития детдома, протекала небольшая речушка Гольшанка, неглубокая и неширокая. Только у моста с плотинной, возле старой мельницы, которая давно не работала, было сравнительно глубоко. Ребята постарше, умеющие хорошо плавать, возле плотины мерили дно, опускаясь под воду с поднятыми вверх руками, что указывало на глубину реки в этом месте.

Однажды летом Алёша с ребятами из своей группы сидел на берегу Гольшанки напротив мельницы. Накупавшись, из речки вышел Сашка и подошел к нему.

— Ты чего сидишь на берегу? Вода тепленькая, пойдем купаться!

— Я плавать не умею, а наволочку не взял.

Алёша пояснил, что ребята, не умеющие плавать, обе-

ими руками брали наволочки за уголки, мочили их, ударяя обрезом о воду — наволочки наполнялись воздухом и становились как пузырь. Закрутив обрез жгутом и зажав пузырь в одной руке, другой можно было грести. Таким образом ребята учились плавать.

— Ну, это не беда! — весело сказал Сашка. — Мы тебя сейчас быстро научим плавать по-настоящему, без наволочки. Пошли!

Они взошли на мост. Сашка позвал двух пацанов покрепче: Алёшка даже не успел заметить, кого: один взял его за ноги, второй подхватил под плечи и, раскачав, через перила моста бросили его в самое глубокое место. Алёшка даже не успел толком ничего сообразить, как оказался под водой. Он только успел глотнуть воздуха и закрыть глаза. Инстинкт самосохранения, заложенный самой природой, заставил его усиленно загребать под водой руками и интенсивно работать ногами. Он на мгновение всплыл, глотнул воздуха и снова погрузился под воду. Алёша так быстро

греб руками и стриг ногами, что всплыл на поверхность воды и, загребая по-собачьи, стал медленно приближаться к берегу.

— А если б я утонул? — выкрикнул он, выбираясь на берег.

— Не бойся. Я стоял наготове, и, если б ты не вынырнул, я бы прыгнул за тобой и вытащил на берег. Поверь, ты не первый. Мы так обучаем всех пацанов, кто не умеет плавать.

С тех пор Алёшка научился плавать по-настоящему: на боку, на спине, брасом, саженками (кролем) и даже мог стоять вертикально в глубоких местах, работая только ногами. Ему не покорился только баттерфляй: проплывет, сделав несколько взмахов руками, а потом начинает заглатывать воду и захлебываться.

Взрослый Алексей, отдыхая в Крыму и на Кавказе на берегах Черного и Каспийского морей, часами плавал возле берега и на глубоких местах возле самых буйков, и даже за буйами вдоль береговой линии.

АЛЁШКА ТОНЕТ В ПРОРУБИ

В зимнее время с разрешения воспитателей ребята бегали на речку. Там лежал гладкий лед, и можно было кататься на ногах.

В этот раз лед на реке Гольшанке был еще тонким: зима только-только начиналась. Ребята разбегались и катались по льду на ботинках, так как коньков ни у кого не было. Вдруг лед затрещал, и Алёшка провалился, окунулся в полынью с головой и стал тонуть. На нем было пальто, шапка-ушанка, ботинки: все это быстро намокло и стало тянуть его ко дну. Он пытался выбраться, отчаянно греб руками и бил ногами, но лед все время обламывался с края, куда он подплывал. Сил становилось все меньше. Нахлебавшись

воды, Алёшка даже не мог крикнуть «Помогите!».

Его увидели малявки (девочки первого-второго класса), позвали более взрослую девочку Марию Алай. Она умудрилась каким-то образом ухватить Алёшку за воротник и помогла ему вскарабкаться на лед. Стоял сильный мороз, мокрая одежда быстро превратилась в ледяной панцирь. Ухватив за руку, Мария бегом потащила его в спальный корпус и заставила переодеться. Алёша даже не простудился, но у него до сих пор сохранилось в памяти чувство жуткого холода, ужаса от того, что тонет.

Он благодарен Марии Алай, что она, рискуя сама провалиться под лед, вытащила его из полыньи.

СОЛНЕЧНЫЙ УДАР

Летом детдомовцы большую часть свободного времени проводили у реки. В этот день у Алёшки было плохое настроение: он немного поплавал возле мельничной плотины и сел на берегу просохнуть.

Солнце жарило нещадно, воздух колебался и волнами поднимался вверх. На небе не было ни тучки, его голубизна просто слепила глаза. Алёшку разморило, и он уснул.

Когда проснулся, никого из ребят рядом не было, все ушли обедать. Алёша встал, но в глазах резко потемнело, жутко разболелась голова.

Кушать ему не хотелось, поэтому в столовой он только выпил компот. Не успел дойти до спальни, как у него носом пошла кровь. Лег на спину, но кровотечение не прекращалось несколько минут. Его увидела та же Ма-

рия Алай, случайно заглянув в комнату. Подошла и спросила:

— Алёша, что с тобой?

— Да вот голова болит, кровь их носа сильно течет, не успеваю глотать.

— Пойдем, я отведу тебя к врачу!

Мария взяла его под руку и повела. Врач внимательно осмотрел его, измерил температуру и дал таблетку от головной боли. Кровотечение не прекращалось. Доктор отвел Алёшку в лазарет и велел медсестре положить ему на переносицу пузырь со льдом. Спустя некоторое время Алёшка почувствовал себя лучше, однако сильно ослаб и его оставили в лазарете.

Только через неделю он смог вернуться к ребятам, которые его усиленно подкармливали, чтобы он скорее окреп и набрался сил.

МАМА, ПОЧЕМУ НЕ ПРИЕЗЖАЕШЬ?

Закончились занятия. Как ребята радовались! Теперь-то начнется веселая, свободная от уроков пора! Можно больше находиться на природе.

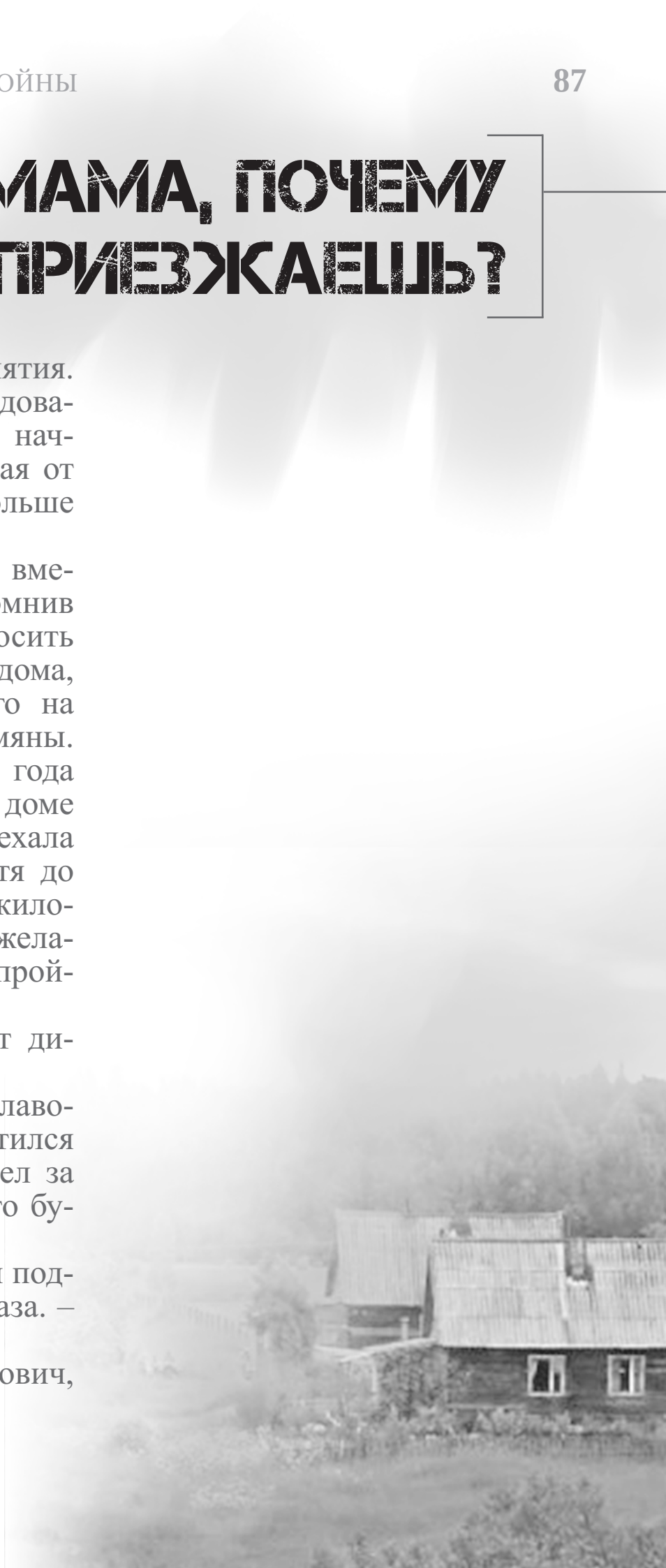
Алёшка радовался вместе со всеми, но, вспомнив о матери, решил попросить директора детского дома, чтобы он отпустил его на несколько дней в Ошмяны. За более чем полтора года пребывания в детском доме мать ни разу не приехала навестить сыновей, хотя до Ошмян было всего 20 километров, которые при желании легко можно было пройти пешком.

Он зашел в кабинет директора.

— Виктор Станиславович, — несмело обратился Алёшка. Директор сидел за столом и читал какие-то бумаги.

— Что, Алексей? — он поднял на него усталые глаза. — Что случилось?

— Виктор Станиславович,

отпустите меня на несколько дней к маме, я давно ее не видел. Может, что случилось? Она ни разу не приезжала ко мне за полтора года...

— Я недавно просматривал твои документы. Твоя мать находится сейчас в Кёнигсберге, а ты воспитывался у тетки, так? — и строго посмотрел на него.

— Да, я воспитывался у тети Фрузы, Ефросиньи Зиновьевны, с 1945 года. Мать со старшим братом Эдуардом уехала по вербовке в Кёнигсберг, так как в Сморгони, куда мы переехали по приглашению тетки, работы не было. В начале 1948 года мать с братом и маленькой сестричкой вернулась.

— А в документах указано, что она до сих пор в Кёнигсберге, — удивленно произнес директор.

— Нет, она в Ошмянах. Вы же сами принимали в детский дом меня и брата после нового 1948 года. Мне в детском доме не скучно, хотя брата после шестого класса отправили в ремесленное училище в Тарту.

— Да, Алёша, я понимаю, что ты скучаешь по матери, но отпустить тебя не могу.

Мы не имеем права отпускать воспитанников к родственникам. Вот если бы она сама приехала, то мы бы тебя отпустили. Не волнуйся, я постараюсь связаться с твоей мамой или тетей и потом все тебе расскажу.

Алёшке стало обидно, что директор его не понял, и он понуро вышел из кабинета.

К нему подошел Володька, родственники которого также жили в Ошмянском районе.

— Что сказал директор? — спросил он тихо.

— Сказал, что не может отпустить меня к маме. Видимо, боится, что не вернусь.

В комнату вошел Сашка и сказал, что уже поспела земляника и предложил Алёшке, Арнольду и Володьке сходить в лес.

Когда детям разрешили погулять во дворе, четверка во главе с Сашкой незаметно ускользнула и отправилась в лес лакомиться земляникой.

В воздухе стоял шум ветра, пения птиц, детских голосов, ржания лошадей, скрипа телег, на которых мужики и бабы ехали в местечко по делам: продать молоко, сметану, масло, яйца и ку-

пить одежду с обувью, керосин.

Вот и лес! Вперемежку растут елки, березы, высокие смолистые сосны и различные кустарники. На прогалине, прогретой жаркими лучами солнца, Сашка увидел еще не совсем созревшие ягоды земляники, которые прятались под резными листочками.

— Алёха, Володька, Арнольд, ко мне! — послышался восторженный голос друга.

Они примчались на зов и увидели Сашку, который срывал и тут же отправлял в рот ароматную ягоду.

— Вкуснятина, хоть и недозрелая! Ищите, только далеко не расходитесь, чтобы не заблудиться.

ПЕРЕПОЛОХ В ГОЛЬШАНАХ

Алёшка и Володька углубились в лесной массив. Вдруг Володька под ногой почувствовал какой-то твердый предмет. Нагнувшись, он очистил его от травы и трухи и увидел снаряд.

— Алёха, тут большой снаряд. Надо позвать Сашку и Арнольда!

Они стали отчаянно кричать: «Давайте быстрее к нам! Мы что-то нашли!»

Уже через одну-две мину-

ты вся четверка была в сборе. По двое с каждого конца взяли на руки снаряд, вынесли на поляну и положили его на землю. Потом опять вернулись на то место, где нашли снаряд, и немного в стороне от него нашли целый штабель снарядов, прикрытых землей.

— Хлопцы, а давайте разложим костер и взорвем снаряд, а лучше несколько! — предложил Сашка.

Они принесли еще несколько снарядов и уложили их рядом. Собрали хворост и обложили им снаряды. Получился большой ворох хвороста.

— Тут недалеко есть не совсем развалившаяся старая траншея. Засядем в ней и при взрыве будем в безопасности, — сказал Сашка и поджег хворост.

Костер разгорелся, но взрыва не было. Сашка порывался посмотреть и, если надо, принести еще хвороста. Ребята стали его отговаривать:

— Не ходи! А вдруг сейчас рванет?

Тут они увидели большое черное облако, которое стало стремительно поднимать-

ся в небо, и вслед за ним раздался взрыв такой силы, что земля заходила ходуном. От взрыва заложило уши, у рядом стоящих берез и сосен как бритвой срезало верхушки.

Ребята перепугались чуть не до смерти. Сашка был бледный, его била крупная дрожь. Он крикнул:

— Хлопцы, драпаем отсюда!

И ребята разбежались в разные стороны от этого страшного места...

Алёшка не помнил, как его поймали работники милиции. Он проснулся в темной комнате с небольшим оконцем под потолком. Вскоре за ним пришел директор Виктор Станиславович и привел к себе в кабинет.

— Расскажи, Алексей, что ты делал в лесу, где тебя поймали милиционеры?

— ?

— Ты что, боишься наказания за самовольный уход с территории детского дома?

— Нет, Виктор Станиславович!

— С кем ты был в лесу?

— Один.

— Что же ты там делал?

— Хотел земляники насо-

бирать.

— Всё ты врешь, боишься сознаться. В местечке в крайних домах взрывной волной повыбивало стекла. Иди в свою комнату, я позже поговорю с тобой!

Алёшка пришел в комнату, ребята окружили его и наперебой засыпали вопросами: «Что ты сказал директору? Как тебя поймала милиция?».

Сашка, Арнольд и Володька оказались более сообразительными и быстренько вернулись в детдом, сидели и гадали, куда же девался Алёшка. А он, оглохший и перепуганный, бросился в глубь леса, а потом долго бродил, пока его не встретил милиционер.

— Эй, пацан, ты что дела-

ешь в лесу?

— Ягоды искал.

— Ты тут никого не встречал?

— Нет.

Милиционер взял Алёшу за руку и отвел в милицию.

Через несколько дней Алёша опять был в кабинете директора детского дома.

— Виктор Станиславович, вы убедились, что моя мама в Ошмянах?

— Да, правда. Твоя мама действительно находится в городе, но отпустить тебя не могу, не имею права.

От директора Алёшка ушел сильно расстроенным. Он не мог понять, почему в документах значилось, что его мать находится в Кёнигсберге? Видимо, это какой-то секрет...

ДРАКИ

Детдомовские ребята часто дрались с местными пацанами. Почему это происходило? Видимо, местные недолюбливали воспитанников детского дома, потому что они были дружными, стояли горой друг за друга, не давая никого в обиду, тем более местным «пшекам».

Драки начинались внезапно по самым безобидным причинам: неосторожно высказанное слово в адрес местных пацанов, обзывание детдомовцев и приклеивание им ярлыков беспризорников и воришек, более прочные знания в школе и соответственно более высокие оценки детдомовцев и т.д.

Поначалу дрались на кулаках, в азарте хватались за небольшие камни, которые бросали друг в друга. Однажды в результате такой стычки небольшой камень попал местному мальчику в височную часть, и он упал. Никто не знал, кто бросил камень, но после этих разбо-

рок детдомовцы перестали драться камнями, а если и возникали острые конфликты, то они разрешались при помощи кулаков.

Алёша вспоминал, что подростки дрались и в Ошмянах, но там ходили улица на улицу. Дрались после футбольных матчей, когда проигрывала местная уличная команда, и наоборот, ког-

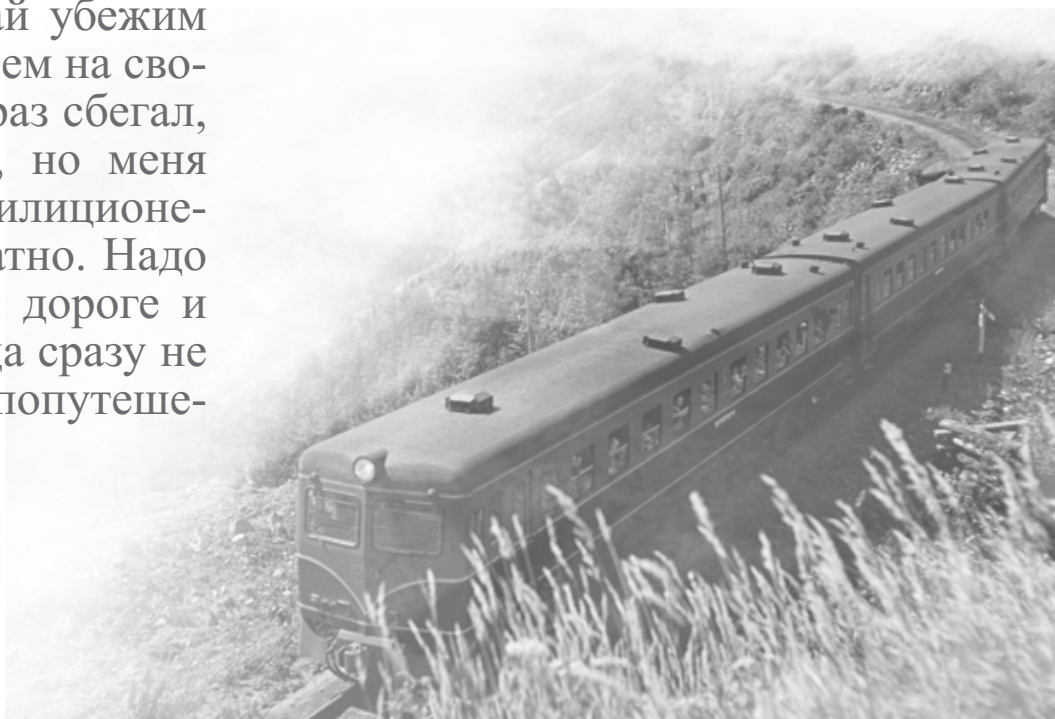
да гости терпели поражение. В любом случае, ни общие, ни личные обиды не прощались, но твердо соблюдался закон милосердия: лежащего не били.

Алёша был противником любых конфликтов, тем более драк. Со многими местными ребятами он тесно общался и даже дружил.

ПОБЕГ ИЗ ДЕТДОМА

Вечером к Алёшке подошел Володька Коваленко. Он был на полтора-два года старше Алёшки.

— Алёшка, давай убежим из детдома, погуляем на свободе. Я уже один раз сбегал, это очень просто, но меня быстро поймали милиционеры и вернули обратно. Надо пойти к железной дороге и сесть в поезд, тогда сразу не поймают, и мы попутешествуем.

– Я согласен, но надо же подготовиться: собрать немного хлеба, а денег у нас нет ни копейки. Захотим есть – что тогда?

– Это не беда. Завтра мы получим новые хлопчатобумажные костюмы – это наши будущие деньги на питание, – ответил Володька.

На следующий день детдомовцы были в бане. Их одели в чистое нижнее белье и выдали новую форму: курточку и брюки.

Алёша любил читать, особенно разные приключения. Недавно взял в библиотеке книгу Аркадия Гайдара с повестями «Школа», «Военная тайна», «На графских развалинах», но не успел ее даже толком полистать. Еще днем он положил книгу под крыльцо у выхода из здания. «Пусть поищут!» – подумал он.

В воскресенье вечером Алёша и Володька решили бежать. Накануне к нему подошел Володька, и Алешка принял окончательное решение бежать, чтобы насолить директору за то, что тот не отпустил его к матери.

– Сегодня после ужина, как стемнеет, уходим, – шеп-

нул он на ухо Алёшке. – А может ты передумал?

– Нет, не передумал...

Перед отбоем Алёша и Володька крадучись вышли на улицу.

– Пойдем на железнодорожную станцию, я знаю дорогу. Сядем на поезд и поедем куда-нибудь.

Вышли уже в темноте. Было пасмурно, но тепло от нагретой за день земли. Шли всю ночь, и только к утру вышли к какой-то деревне. Хотелось есть. Весь хлеб, который взяли с собой, они по дороге съели.

Ребята постучали в дверь крайней избы, хозяин их впустил.

– Дяденька, дайте нам хлеба и сала, а мы вам дадим костюм, – сказал Володька.

– Вы куда идете? – спросил мужчина подозрительно.

– Да мы сироты, идем на станцию, хотим поехать к тетке, – соврал Володька.

Мужчина внимательно рассмотрел курточку и брюки, решил, что вещи подойдут его детям и согласился на обмен. Он дал им целую буханку ржаного хлеба и большой кусок соленого сала. Взамен костюма ребята по-

просили какую-нибудь ветхую рубашонку для Алёшки и штаны для Володьки. Переодевшись, поблагодарили мужика и вышли из дома.

Вскоре они оказались на железнодорожной станции, где работала касса и продавали билеты на поезд.

Подошел пассажирский поезд. Куда он следовал и как на него попасть без билетов, ребята не знали.

— Когда проводница отвлечется или зайдет в свое купе, мы заскочим в вагон и спрячемся под лавкой, куда

пассажиры ставят свой багаж, — сказал Володя.

Улучив момент, ребята так и сделали. Проводница не заметила, как они оказались в вагоне.

Поезд тронулся. «Зайцы» не смогли долго сидеть, скорчившись под скамейкой. Как только проводница проверила у пассажиров билеты и пошла по вагону дальше, ребята выбрались и уселись на свободные сиденья. Радости не было предела: они едут в поезде и не важно куда, главное, что едут!

В ДЕТСКОМ ПРИЕМНИКЕ В ЗАЛЕСЬЕ

Но недолго ребятам пришлось ехать в этом поезде. По сообщению проводницы, обнаружившей в своем вагоне безбилетных детей, начальник поезда связался с работниками милиции и на

ближайшей станции в городе Молодечно «зайцев» сняли. Через несколько часов Алёша и Володя оказались в детском приемнике-распределителе в местечке Залесье.

Новеньких в приемнике встретили враждебно: у них

отобрали новые брючные ремни, а взамен дали старые. Если бы ребята стали сопротивляться, их бы избили, так как сюда попадали все беспризорники, убежавшие из детских домов и от родителей. Среди них было много воров и подростков-хулиганов, которые уже были опытными беглецами и долгое время находились в розыске. В приемнике-распределителе они устанавливали свои порядки.

В детском доме в Гольшанах только на следующий

день обнаружили пропажу Володьки и Алёшки и сообщили в милицию.

Сообщение о беглецах было передано во все отделения милиции и ребят стали искать повсеместно, в том числе и у родственников. Тетка Фруза сказала матери Алёшки, что он сбежал и его ищут, а та закатила сестре истерику:

— Это ты заставила меня отдать детей в детдом, — рыдая, кричала она, — теперь ищи моего Алёшку!

СНОВА ДОМА

Позвонили в школу, где тетка вела уроки, что в приемнике-распределителе в местечке Залесье появился похожий на ее племянника мальчик, только с другой фамилией, и попросили ее приехать.

Алёшка вспоминает: новеньким в карантине только что принесли обед, но он не успел даже зачерпнуть супа, как отворилась дверь и в ком-

нату вошел начальник приемника и тетя Фруза. Увидев ее, Алёшка мгновенно скользнул под стол и спрятался.

— Алёша, вылезай, — недовольным голосом произнесла тетка, — я специально приехала за тобой, поедem домой!

Так он оказался дома, и его мечта встретиться с матерью наконец-то сбылась. Увидев его стоптанные бо-

тинки, мать схватила сына за руку и повела в универсам, где купила ему коричневые полуботинки, но они оказались слишком малы и сильно сжали ноги. Так эти красивые блестящие ботинки он ни разу и ни одел. Позже мать купила ему ботинки фирмы «Скороход», которые ему пришлось впору.

Алёшка оказался в родной обстановке: с ним рядом находилась мать, двоюродные брат и сестра, за которой он раньше присматривал.

Обдумывая эту историю с отправкой собственных детей в детский дом, Алексей понимал, что у его матери было безвыходное положение: первый раз родная сестра отправила мать к черту на кулички аж в Восточную Пруссию, в город Кёнигсберг, заставив ее завербоваться, чтобы она смогла заработать кусок хлеба себе и своим детям. Она же милостиво позволила оставить у себя младшего племянника Алёшу, и как только получила известие, что сестра устроилась на работу, тут же повезла Алёшку в Кёнигсберг, чтобы избавиться от родного племянника. Однако

Алёшка, вопреки настойчивому желанию тети оставить его с матерью, вернулся в Сморгонь, чтобы жить в семье тети. Двоюродные брат и сестра за это время стали ему как родные.

Матери Алёшки было очень тяжело каждый день слышать упрёки родной сестры за кусок хлеба, что она вынуждена была уехать в Кёнигсберг. Пока племянники оставались с ней, тетя Фруза решила проблему кардинальным способом: оторвав детей от родной матери, по подложным документам отправляла их в детский дом. Когда мать вернулась в Ошмяны с малолетней дочерью, сестра запретила ей встречаться с родными детьми, обязав, как домработницу, обслуживать ее семью.

Эти выводы Алексей сделал, когда уже стал взрослым. Он не смог простить тетке ее жестокость по отношению к сестре и племянникам. Вместе с тем, благодарен тете Фрузе за то, что в непростое послевоенное время несколько лет она его кормила, одевала, обувала, давала образование.

ВНОВЬ У ТЕТКИ

После побега из детского дома Алёша жил с матерью и сестрой в семье тети Фрузы. К этому времени мать устроилась на работу и уже обходилась без помощи родных, наоборот, сама помогала им.

В летние дни Алёша вместе с ребятами ходил за несколько километров от города на Песчаную гору и без отдыха проплывал по реке Ошмянка до Гольшанского моста примерно полтора километра.

Увлекался рыбалкой: вода

в реке была очень чистая и там водилось много разной рыбы. Иногда приносил домой полный кулан с плотвой и пескарями, иногда в районе урочища Сухая удавалось поймать пстронгов, по-русски, форель.

Город Ошмяны рос, население увеличилось в несколько раз, появилось много трех-четырёхэтажных домов, молокозавод, консервный завод, увеличил производство продукции дрожжевой завод и рыба в городской черте погибла. Но

постепенно река очищается и уже на расстоянии нескольких километров от города в ней появляются выюны, плотвички, пескарики и колюшки.

Двоюродный брат Алёши – Геннадий – так и не научился плавать: проплывет по-собачьи два-три метра, а потом начинает захлебываться.

КРАСТЬ - БОЛЬШОЙ ГРЕХ

После возвращения из детского дома Алёшка встретил старого дружка Шурика Енушевского, с которым они сразу же после вселения в дом на улице Гольшанской стали вместе играть, хотя Шурик был на год моложе.

За то время, пока Алёшка находился в детском доме, Шурик подрос и преуспел в выборе профессии – стал карманным воришкой. Он завел дружбу с вором по кличке Косой, который был значительно старше его и уже отсидел три года в колонии за карманную кражу.

— Знаешь, — похвалился Шурик, — я уже могу добывать деньги самостоятельно!

— Как это?

— Помнишь косоглазого пацана — Кольку Косого? Ему понравились мои пальчики, и он обучил меня воровскому искусству.

— Ты что, серьезно стал карманником?

— Да, а что тебе не нравится? — И он с иронической ухмылкой посмотрел на товарища.

— Видишь ли, в детском доме у нас были и домушники, и карманники, и даже один специалист по замкам, но мне эта «работа» не по душе. Я дружил с честными пацанами, которые презирали тех, кто занимается такими делами. И тебе советую, пока ты не увяз в компании с Косым, — брось этим заниматься! Давай лучше будем делать самопалы, лук со стрелами, играть в футбол с ребятами с соседней улицы — это мне по душе, а воровать — значит, приносить горе людям. Да и всё равно когда-нибудь попадешься!

Алёшка вспомнил случай, свидетелем которого он стал. Это было сразу после

окончания войны. Мать послала его в магазин за хлебом, который тогда продавали по карточкам. Он стоял в хвосте очереди, и вдруг женщина, ощупав карман своей курточки, истошно и громко закричала:

— Украла! Деньги украла! Люди добрые, помогите! Что я скажу своим детям?

Она стояла около прилавка и глазами, полными слез, заворуженно смотрела на хлеб, который продавщица отрезала покупателям. Всклипывая, выбралась из очереди и медленно, как-то неуверенно, поплелась домой, так и не получив хлеб по карточке. Никто из очереди не предложил ей помощь, так как все испытывали нужду. Каждая из женщин думала: «Выкручивайся как-нибудь сама», «Не надо быть такой разиней», «Деньги надо держать в кулаке, а не в кармане»...

Время было суровое: люди перебивались с хлеба на воду, особенно одинокие матери, у которых на иждивении были малолетние дети...

Этот случай потряс Алёшку до глубины души, и

он дал себе слово, как клятву: никогда не брать чужое, даже если оно плохо лежит. И мать его часто повторяла: красть — нельзя, это большой грех!

Когда жил в детском доме и видел, что другие дети воровали — никогда в этом не участвовал, а детей-воришек сторонился. Но при этом помнил и соблюдал законы детдомовского общежития: даже если что-то видел и знаешь — ничего и никому не рассказывай!

Но Шурик не внял правильным словам своего приятеля. Однажды Алёшка и Геннадий пилили во дворе дрова и увидели, как по тротуару шел милиционер и рядом с ним — Шурик. Они зашли в соседний дом, где жила гадалка с внуком, и через некоторое время вышли. Больше Шурика Алёшка никогда не видел...

Алёшка закончил среднюю школу и поступил в военное училище в Ростове-на-Дону. Однажды во время летних каникул, которые он проводил дома, у танцплощадки встретил Кольку Косого, который поинтересовался, где и на кого

Алёшка учится.

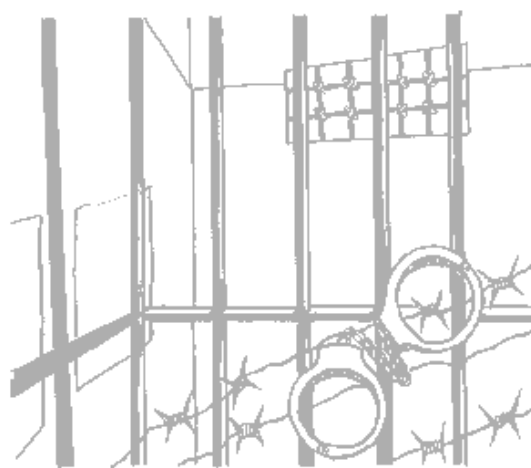
— Я учился на дорожника, — ответил Алексей, — а теперь учусь на техника-автомеханика по ремонту и эксплуатации автомобилей и тракторов. Ты, Николай, не помнишь маленького Шурика? Где он, что с ним? Что-то я его давно не видел?

— Шурик опять попался на краже. Он уже второй срок отбывает на зоне.

— А ты как?

— Я все так же. Из нашей «конторы» просто так не уходят. Живу помаленьку.

На этом разговор со старым знакомым закончился, и Алексей ушел домой.

ИГРЫ И ЗАНЯТИЯ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

После освобождения территории от немецко-фашистских захватчиков никогда не унывающие дети и подростки придумывали различные игры.

Самые ловкие катали колеса или железные диски специально для этого изготовленной проволокой с крючком на конце, которым упирались в колесо и бежали за ним. Мальчишкам было комфортно: проволока в руке, крючок на ободке колеса, и оно весело катилось туда, куда его направлял ребенок.

Мальчишки катались на самокатах, которые делали сами: шарикоподшипники одевали на переднюю и заднюю оси, соединенные доской с вертикальным рулем. Руками держались за руль, одна нога ставилась на доску, а другой ногой усиленно отталкивались и мчались

по асфальту или тротуару. Самодельные самокаты при езде по тротуарной плитке на стыках издавали такой приятный звук: тук–тук–тук. Вращающиеся подшипники при этом шумели: шу–шу–шу. И если кому-то удавалось достать два шарикоподшипника, то мальчик был абсолютно счастлив: теперь-то он соорудит себе самокат и будет кататься!

Ребята постарше, примерно 12–14 лет, для зимнего катания делали себе самокаты на коньках. Это самокаты наподобие буера: передний конек – для руля, а два задних – для установки на них небольшой платформы для самокатчика. Можно было ложиться на живот и управлять руками, спускаясь с горки вниз, или управлять ногами, упершись в руль и поворачивая устройство на изгибах или преодолевая препятствия на дороге.

На таких буерах катались самые смелые пацаны; могли кататься с утра и до глубокого вечера, получая ничем не передаваемое удовольствие. Но в то время достать коньки было непросто, не каждому пацану по карману, но на

нашей Вокзальной улице такой буер был.

Младшие пацаны играли в копейки: свинцовые или оловянные, специально отлитые битки с определенного места бросали в кон, где лежали стопочкой сложенные монетки. Хороший игрок метким броском попадал по стопочке монет, они рассыпались, и те, которые переворачивались на орла, игрок забирал себе. Если монетка не поворачивалась на орла, ход передавался другому игроку. Следует сказать, что обычно мы играли в монеты царской чеканки, потому что современных денег почти ни у кого из ребят не было. Если вдруг деньги попадали в руки подростка, их незамедлительно тратили на поход в кино: смотрели фильмы про Чапаева, про Тарзана или Пятнадцатилетнего капитана.

Часто играли в пристенок: легко ударяли ребром копейки, зажатой в пальцах, об стенку; монетка отскакивала и падала недалеко от стопочки монет. Чья монетка ближе всего падала к стопке, тот первым начинал разбивать стопку. Монетки,

которые переворачивались на орла, забирались победителем.

Популярна была игра на ловкость: подбивать боковой стороной ботинка или ноги — «щёчкой» — специальную игрушку. На металлический кругляш или большую монету приклеивали круглую шкурку с длинным ворсом. При ударе щёчкой она подлетала вверх и обратно опускалась на щёчку. Кто большее количество раз подобьёт эту штучку, тот и выиграл. Эта игра особенно популяр-

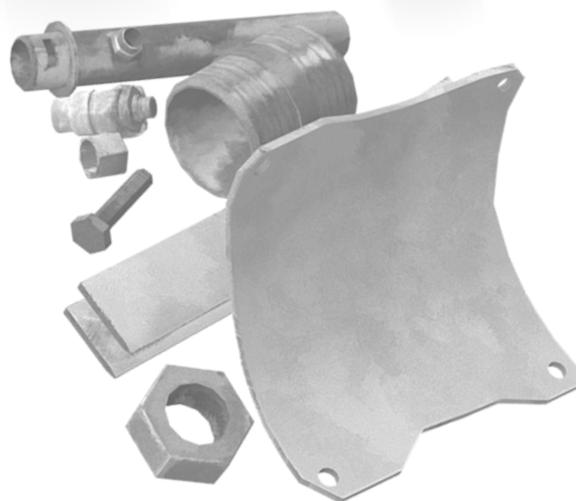
на была в детских домах.

Но особенно дети любили играть в русскую лапту. Вот где требовалась ловкость! Надо было битой как можно дальше выбить мяч, бросить биту, бежать до определенной отметки и возвращаться обратно, при этом не получить от противника мячом в спину.

Играли дети и в чижика-пыжика. Игра требовала хорошего глазомера, ловкости и сильного удара битой по подскочившему от удара чижикю.

КАК ДОБЫВАЛИ ДЕНЬГИ

Группками и по одному дети ходили по полям, собирали железо, медь, алюминий, которых после войны было много разбросано кругом. Сдавали собранное в пункты

приема, где за каждый килограмм получали деньги.

Когда же почти весь металл был собран, стали собирать кости, которые валялись где попало, и тоже сдавали в пункты приема. Хотя за кости платили мало, но, тем не менее, на кино нам хватало.

По городу и деревням ездили евреи на телегах и собирали тряпье: изношен-

ную верхнюю одежду, рваное белье, тряпки и обычно рассчитывались копеечными игрушками, леденцами на палочках, карандашом или тетрадкой.

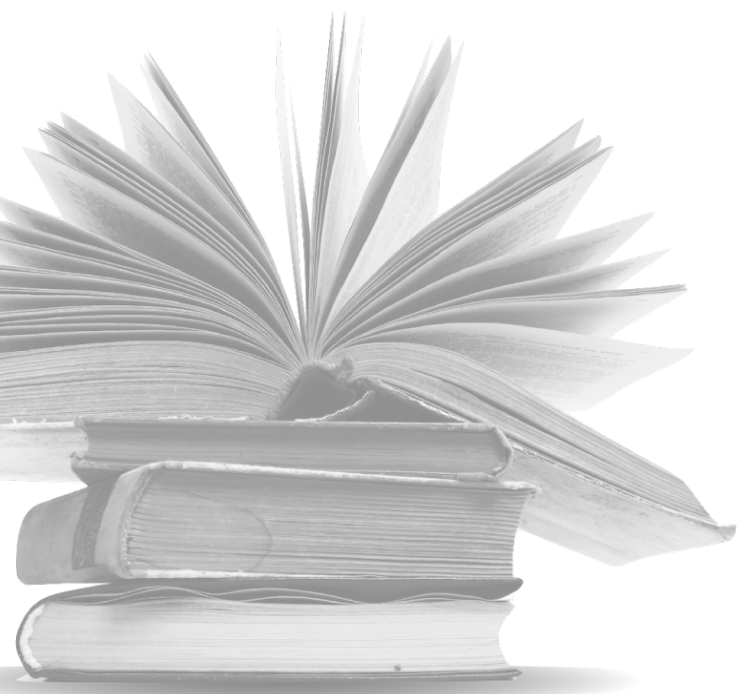
Скучать, особенно летом, детям было некогда: для дома они собирали ягоды, грибы, орехи, были довольны такой жизнью и не унывали.

В ОШМЯНСКОЙ ШКОЛЕ

В Гольшанах Алёша окончил пятый класс и по возвращении к матери в Ошмянах стал учиться в шестом классе русской школы.

Он любил русскую и белорусскую литературу, всегда получал по этим предметам хорошие и отличные оценки. Очень нравились стихи, и его душа всё больше стала тянуться к поэзии.

В классе заметили, что

Алёша и сам пробует сочинять стихи и выбрали его редактором классной стенгазеты. Частенько под рисунками он делал стихотворные подписи на своих незадачливых одноклассников. Он вспомнил свое первое наивное стихотворение, которое запало в памяти.

*Есть на нашей планете
голубь мира,*

*Мы стоим за него всей
силой.*

*Если враг захочет вдруг
напасть на нас,*

*Мы не струсим в этот
решительный час.*

*Встанем, как один, и возьмем
ружье.*

*Ведь за правду и умереть
легко.*

Вот с этого детского стихотворения и началось главное увлечение его жизни: сочинять рифмованные строки.

Конечно, не все шло гладко, но он учился писать стихи на заданные темы. Его первые попытки часто были неудачными, стихи получались слабые и наивные. Главной мечтой Алёши было увидеть свои стихи на страницах печатных изданий.

МЕЧТА О ПРОФЕССИИ ЗАЩИТНИКА РОДИНЫ

Когда Алёша учился в восьмом классе, стал заниматься в драматическом и музыкаль-

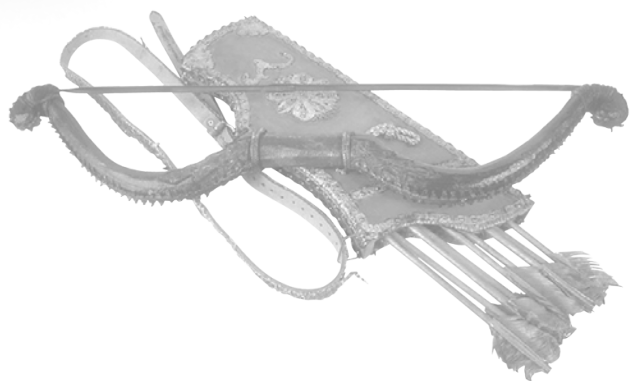

ном кружках, пел в школьном хоре. Драмкружок готовил небольшой спектакль по пьесе «Заре навстречу», и Алёше доверили роль советского офицера, лейтенанта. Он хорошо помнил немцев, их издевательства над военнопленными и мирными жителями: его семья три года жила на оккупированной территории. Эта постановка школьного драмкружка укрепила его в мысли стать защитником Отечества. Чтобы поступить в военное учи-

лище и успешно заниматься, Алексей стал готовить себя морально и укреплять физически. Он активно занимался футболом, баскетболом, велосипедным и лыжным спортом. Участвовал в городских соревнованиях по лыжам, в областных – по велогонкам.

После окончания Ошмянской средней школы поступил в военное училище и его мечта стать офицером Советской Армии, защитником Родины сбылась.

О СВОИХ МАЛЕНЬКИХ ДРУЗЬЯХ

Когда Алёша подрос, стал более внимательно относиться к ребятам младше себя. Он всегда что-то мастерил, делал самокаты, наганы как настоящие, стреляющие серой из спичек, луки и стрелы, с которыми ходил на охоту. А

еще он любил рыбачить, и, видимо, этим привлекал ребят.

Когда учился в 8–10 классах, вокруг его крутились малыши на 5–8 лет моложе, а когда стал курсантом военного училища, эти ребята подросли и писали ему письма, присылали фотоснимки с корявыми подписями. Он всегда серьезно отвечал на их послания.

С ним целых три года переписывался класс Ошмянской школы, которую он закончил. И фотография Алексея висела на Доске почета как лучшего выпускника школы, который стал офицером Советской Армии.

Когда Алексей был курсантом, с удовольствием ходил к пионерам в подшефную школу г. Орджоникидзе, помогал им оформлять стенгазету, рисовать декорации к одноактным сценкам из

школьной жизни. За эту деятельность ЦК комсомола Северо-Осетинской автономной советской социалистической республики наградил его грамотой, которую он хранит до сих пор.

Время шло, ребята выросли, каждый выбрал себе профессию по душе и постарался достичь в трудовой деятельности наибольших успехов: главным врачом Ошмянской районной больницы стал Топорков, директором музыкальной школы – Загнетов, председателем колхоза – Ерошевич, учителем – Ковалевский, механизатором – Шендеров, кто-то стал шофером, продавцом...

Ребята выбрали профессии по своим способностям и таланту. Честно трудились на благо своей родины и своей семьи.

АЛЁШКА НА УРОКЕ

Отпуск Алексея заканчивался в конце сентября, и он решил зайти в школу. Он несколько лет переписывался с ребятами одного класса, и его фотография висела на школьной Доске почета.

Алексей зашел к директору школы Семену Адамовичу Наливайко и попросил разрешения поприсутствовать на каком-нибудь уроке в 9-ом классе. Семен Адамович с удовольствием разрешил и попросил учительницу русского языка и литературы Татьяну Евдокимовну Смоляк выделить 10-15 минут урока, чтобы Алексей рассказал об учебе в военном училище.

— Ребята, я доволен, что связал свою жизнь с Советской Армией, ничуть об этом не жалею. Через год выпускнусь лейтенантом с хорошей специальностью и начну службу в качестве офицера. Быть защитником Родины — это самая престижная и са-

мая важная профессия на земле!

Алёшку засыпали вопросами, на которые он с удовольствием ответил, попросился со своим классом, так как жизнь военного непредсказуема.

Так оно и случилось: в гарнизонах Алексей подолгу не задерживался и в связи с реорганизационными мероприятиями в армии часто менял места службы и даже рода войск. Такая смена воинской специализации его не пугала, а, наоборот, вызвала живой интерес. На

службе он узнавал много нового, и военная профессия для него всякий раз обретала новые грани, играла яркими красками.

Он прослужил в армии 30 лет, а казалось, что все это время пролетело как один миг. Алексей счастлив, что лучшие годы его жизни прошли в рядах Вооруженных сил и теперь, в пожилом возрасте, увлеченно рассказывает подросткам и молодежи о своей любви к Родине, белорусскому народу и его традициям, родному языку и культуре.

ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРУ

Поэтическим творчеством Алексей занимался упорно, и, наконец, в Ошмянской районной газете «Красное знамя» было опубликовано стихотворение «Моя Белоруссия», а потом его стихи стали печатать регулярно.

Чтобы постичь тайну, или как говорил известный поэт-песенник Михаил Исаковский, «секрет» поэзии, Алексей за четыре курсантских года перечитал и изучил горы литературоведческих книг и статей русских, советских и зарубежных авторов, активно знакомился с классической литературой, писал заметки и корреспонденции в газеты Закавказского, Киевского и Белорусского военных округов.

Толчком для первых лирических опытов послужила юношеская любовь к однокласснице. Но когда отношения между молодыми людьми расстроились, это подстегнуло его еще больше. Алексей стал серьезнее, заметнее стал его рост как поэта и он смог подняться над самим собой.

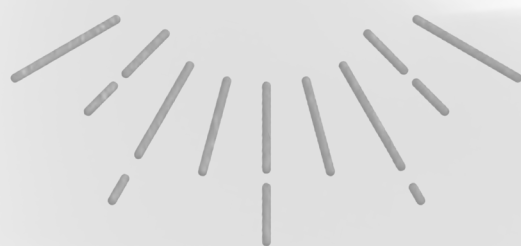
А когда к Алексею пришли серьезные чувства к

будущей жене, с которой он идет по жизни и сейчас, наступил период зрелого творчества.

Параллельно занимаясь журналистикой, Алексей закончил годичную школу военных корреспондентов при газете Краснознаменного Белорусского военного округа «Во славу Родины», а также курсы «Выстрел» при Московском военном округе в городе Солнечногорске. Он поступил в Белорусский политехнический институт имени Сталина в городе Минске (ныне БНТУ), но, проучившись всего три курса, по семейным обстоятельствам (две тяжелейшие операции жены) обучение пришлось прервать. Из-за большой загруженности на службе в институте он так и не восстановился, но серьезно увлекся поэзией и журналистикой.

**БЛИЗКИЕ
РОДСТВЕННИКИ
АЛЁШИ**

ДЯДЯ ЕМЕЛЬЯН

В конце лета вернулся с войны дядя Емельян. Он ничего не привез. Алёша даже не помнил, были ли у него какие-нибудь награды. Дядя ничего о войне племянникам не рассказывал.

— Как вы подросли, возмужали! — весело обратился он к ним, давайте, хлопцы, сходим на рыбалку, что-то мне очень захотелось рыбки. Как вы, согласны?

— Давайте, мы согласны! — ответили Алёша и Эдик. — только у нас нет никаких рыбацких снастей, ни удочек, ни лески, ни крючков.

— Это ничего! — весело сказал он, глядя на детей. Дядя зашел в сарай, вытряхнул из корзины несколько картофелин.

— Вот наша рыбацкая снасть! Пойдемте на речку, — сказал дядя и они втроем весело зашагали на речку, что протекала недалеко от дома.

— Хлопцы, я с кошиком полезу в речку, где поглубже, —

сказал он им, снимая военное галифе. — А вы немного выше, метров за пять—семь, будете мутить воду. Рыба от шума в мутной воде поплывет по течению, а я ее буду подхватывать кошиком и выбрасывать на берег в траву.

Ребята тоже сняли штаны и по команде дяди стали ногами мутить воду.

Дядя вертикально опускал кошик в воду и быстро выхватывал его. На дне кошика трепыхались несколько пескариков, плотвичек и малявок. Так они прошли по реке несколько десятков метров и наловили рыбки и на уху, и на поджарку. Ребята остались довольны такой рыбалкой.

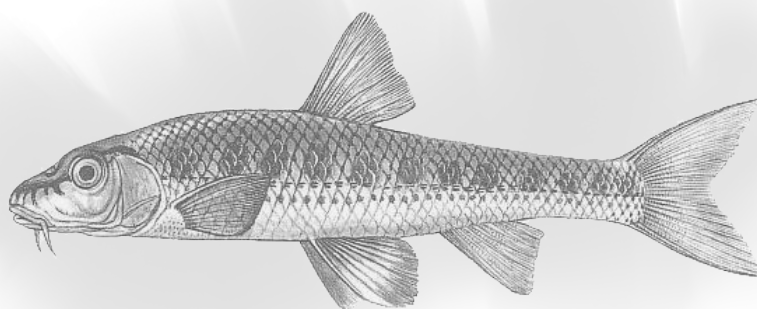
Дядя Емельян по натуре был веселый и неунывающий человек, не прочь был и рюмку вина пригубить. Вот как-то под осень, когда было холодно и купальный сезон закрылся, дядя поспорил с

местным попом, любителем зеленого змия, что переплывет Проню туда и обратно в самом широком месте. Спорили на ведро самогонки: если переплывет — поп ставит ведро самогонки, а не переплывет — дядя ставит ведро попу.

Дядя Емельян бросился в воду и переплыл речку туда—обратно. Ведро самогона уже стояло на берегу, было много любопытных зевак.

По уговору, вместе с попом выпили ведро самогонки, только вот просто так это удовольствие дяде Емельяну не прошло. Он тяжело заболел крапивницей, но вылечился и прожил до старости в деревне Маслаки Горецкого района.

Был у них еще один дядя — дядя Ваня, но он, как ушел на фронт, так больше о нем ничего семье неизвестно: погиб или пропал без вести?

ДЯДЯ ПАВЕЛ

Другой дядя – Павел, муж тети Меланьи. Во время мобилизации его на фронт не взяли: для службы в армии был не годен по зрению.

Когда оккупировали город Горки, немцы взяли их 17-летнюю дочь Лидию на ремонтные работы. Переходя зимой через реку, Лида провалилась под лед и стала тонуть. Подруги хотели помочь и вытащить ее из воды, но немецкие конвоиры, весело хохоча, не разрешили ей помочь, и Лида утонула. Только весной, когда река вскрылась ото льда, ее тело всплыло. Родители опознали ее по одежде и длинным волосам, заплетенным в косу, похоронили на местном кладбище.

Когда Красная Армия в 1943 году освободила район, дядя Павел добровольцем ушел на фронт, чтобы отомстить врагу за смерть любимой дочери. Он воевал в артиллерийских частях, был

Дядя Павел, 1973 г.

поваром. Однажды попросился в разведку, и их группа притащила с немецкой передовой важного офицера, за что разведчики были отмечены медалями. Дядя за мужество и героизм был награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

Он рассказывал, что при демобилизации солдатам и офицерам разрешалось привезти вещмешок военных трофеев. Дядя был хорошим сапожником и привез целый вещмешок хромовых

заготовок для пошива обуви. Потом из этого хрома сшил несколько пар сапог, и этим поддержал семью, продав сапоги на рынке.

Тетя Маланья, жена дяди Павла, была очень хорошая женщина. Когда Алексея по службе перевели в Горецкий райвоенкомат, он с женой часто навещал их, по необходимости помогал по хозяйству, так как у них был хороший приусадебный участок с садом.

МАТЬ

Хочется немного рассказать и о матери Алёши.

В семье бабушки и деда было 12 детей, но выжили не все. Алёша помнил только своих теток: Маланью, Полину, Анну, Ефросинью и двух дядей: Емельяна и Ивана.

Старшая тетя Анна уехала в Крым, там вышла замуж. Когда в семье стали рождаться дети, попросила

*Варвара Зиновьевна
(довоенный снимок)*

о помощи свою мать. Бабушка была главой семьи и на помощь отправила свою младшую дочь — 14-летнюю Варвару. В семье Анны было пятеро детей и Варваре приходилось много работать по дому, ухаживать за детьми.

Только через несколько лет Варвара смогла вернуться на родину, вышла замуж (гражданским браком), родила двоих сыновей: Эдуарда и Алексея. Ее муж, Цуканов Владимир Феоктистович, до войны работал продавцом или заведующим магазином. Случилась нехватка и его арестовали. У Алексея даже фотокарточки отца нет, видимо, в войну она была утеряна. После войны мать пыталась его разыскать, но безуспешно. Алексей обращался в Могилевский областной архив, отдел КГБ, но безрезультатно: сведений об отце не сохранилось.

В 1947 году тетя Поля прислала в Сморгонь телеграмму, что бабушка умерла. Тетя Фруза ездила на похороны, а Варвара, мать Алексея, осталась смотреть за детьми и за хозяйством.

Тетя Фруза не пустила Варвару на похороны сестры Полины, брата Емельяна и сестры Меланьи.

Когда Алексей закончил военное училище, ежегодно приезжал в Ошмяны, где жила и работала его мать. Когда она заболела, родственники даже не сообщили об этом Алексею, а телеграмму прислали уже только на похороны. Видимо, тетя Фруза опасалась, что мать перед смертью расскажет сыну что-то, порочащее ее.

На похоронах тетя Фруза никому из родственников не дала слова, только сама сказала, что Варвара была хорошая и трудолюбивая женщина, помогала ей во всех домашних делах.

То, что Алексею не сообщили вовремя о болезни матери, стало последней точкой в отношениях его и тети Фрузы.

*Сестры Варвара
и Ефросинья
1985 год.*

СУДЬБА БРАТА ЭДУАРДА

В 1949 году после окончания шестого класса Эдику исполнилось четырнадцать лет и его из детдома отправили в ремесленное училище города Тарту Эстонской ССР. В ремесленном он находился почти четыре года. И за это время стал хорошим специалистом по холодной обработке металла. Какое-то время работал на заводе в Тарту, и когда ему исполнилось 18 лет, был призван на службу в Военно-морской флот. Четыре года срочной службы проходил на Северном флоте под городом Североморском Мурманской области в береговой охране, работал токарем в мастерских.

Эдуард был задиристым парнем. Юность пробудила в нем романтические чувства. Он познакомился с девушкой и искренне полюбил ее, хотя у нее уже была дочь, ко-

*Эдуард во время службы
в Военно-морском флоте,
Мурманская область,
Сеть-Наволоок. 1955 г.*

торую Эдуард впоследствии удочерил. От намерения жениться его убеждал отказаться офицер, от которого у девушки был ребенок. Эдуарда неоднократно подстерегали друзья этого офицера и пытались с помощью силы заставить отказаться от любимой. Вот здесь Эдуарду пригодилась его недюжинная сила и ловкость: он разбросал нападающих в разные стороны и таким образом утвердил свое право на эту девушку. После демобилизации они поженились и вместе с ребенком вернулись в Ошмяны.

Хорошего токаря-универсала с удовольствием приняли на работу в сельхозтехнику, где в мастерских он трудился более тридцати лет, совершенствуя свое мастерство и занимаясь

изобретениями и рационализаторством. О нем неоднократно писала областная газета «Гродненская правда». Он был делегатом Первого Всесоюзного съезда изобретателей и рационализаторов, два его рационализаторских предложения демонстрировались на ВДНХ (выставке достижений народного хозяйства) в Москве.

Они вырастили двоих сыновей: старший сын Эдуард стал офицером и уволился из Советской Армии в звании майора. В настоящее время проживает на Украине, в городе Херсоне. Младший сын Игорь работает в системе жилищно-коммунального хозяйства города Ошмяны.

*Эдуард
с женой Аллой,
сыном Игорем
и матерью
1985 г.*

ДВОИ-ОРОДНЫЙ БРАТ ГЕННАДИЙ

После окончания политехнического института им. Сталина (ныне БНТУ) Геннадий работал секретарем комитета комсомола на заводе БЕЛАЗ в городе Жодино. Его заметили и перевели на работу в Министерство строительства БССР. После перевода К.Т. Мазурова на должность 1-го заместителя Председателя Совета Министров СССР Геннадий был

переведен в Москву, в Министерство строительства и курировал строительные объекты стран СЭВ (Совета экономической взаимопомощи).

В семейном плане судьба его сложилась не совсем удачно: после производственной травмы жена долго болела, смерть сыновей усугубила течение заболевания и вскоре она умерла.

С Геннадием Хорушевским, 1950 г

НЕМНОГО О СЕБЕ

Склонность к поэтическому творчеству у меня появилась в пятилетнем возрасте. Лежа на печи, я заслушивался стихами, которые читала моя мама, рассказами и былинами бабушки. Эта тяга к образному слову привела меня к литературе. Я и сейчас, уже в пожилом возрасте, даже день не могу прожить без хорошей книги, ежемесячно прочитываю 4-8 книг и почти всегда наиболее интересные моменты записываю в тетрадь. А если посчитать, сколько прочитано за всю жизнь, то получится более пяти тысяч томов. В моей домашней библиотеке более трех тысяч книг, которые я часто перечитываю, которые как настоящие друзья помогают мне жить в этом бурном и непостоянном мире.

Уже в пожилом возрасте я стал серьезно заниматься литературной работой: выпустил книгу стихов «Судьбы не кляня», книгу прозы

и поэзии «Отрада родного слова», книгу о ветеранах Великой Отечественной войны «Здравствуй, мама, я живой», дневниковые записи «Курсанты. Офицеры». Все книги изданы в Могилевской областной укрупненной типографии им. С. Соболя. Все эти книги я подарил в библиотеки города.

Девять лет руководил литературным объединением «Ветеран» при Могилевской

городском Совете ветеранов, которое издало семь коллективных сборников прозы и поэзии. Часто со своим коллективом выступаем в учебных заведениях Могилева, читаем свои стихи, стихи классиков белорусской и русской литературы, рассказываем о прожитой жизни, учим детей и подростков быть патриотами своей страны, любить родную землю, ее народ, обычаи и историю.

ЭПИЛОГ

Современное поколение знает о войне из книг, художественных фильмов, рассказов ветеранов, а также от бабушек и дедушек. Вспоминать трагический период своей жизни в годы Великой Отечественной войны им не так просто, как кажется. На их детство пришлось страдания и разрушения, голод, переезды, жизнь в чужих семьях и детских домах, что невозможно полностью измерить, взвесить и оценить.

В такой же обстановке вынужден был расти и воспитываться Алексей, главный герой повести «Под черным крылом войны». Он вырос настоящим человеком, создал крепкую семью и воспитал двоих сыновей. Стал военным, тридцать лет достойно защищал свою Родину. Алексей реализовался и как творческая личность, был принят в члены Союза писателей Беларуси.

Отвечая на вопрос: «Жалеет ли он об «украденном» детстве?», он, немного подумав, говорит: «Конечно, хотелось бы расти в мирное время, в полной семье, чтобы радоваться обычным детским забавам, но война отобрала не только у меня – у

целого поколения настоящее детство – радостное, солнечное, наполненное смехом, радостью, играми и праздниками. Тяжкие испытания не сломили нас, а закалили, научили ценить жизнь во всех ее проявлениях, быть стойкими и готовыми прийти друг другу на помощь при любых обстоятельствах».

Сегодня дети войны стали последними свидетелями тех страшных событий. Через осмысление непростых судеб сверстников в военное время новое поколение учится понимать ценность жизни и находить в ней свое достойное место.

*2019 – февраль 2020
г. Могилев*

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕТСТВО.....	3
«ПОД ЧЕРНЫМ КРЫЛОМ ВОЙНЫ».....	4
ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ.....	7
О, ДЕТСТВА МИГ!.....	9
АНТИХРИСТ ПРИШЕЛ.....	11
ДОВОЕННЫЕ ДЕТСКИЕ ИГРЫ.....	12
ВОЗДУШНЫЙ БОЙ.....	15
МАТКА, МЛЕКО, ЯЙКО!.....	16
ПЛЕННЫЕ КРАСНОАРМЕЙЦЫ.....	18
СТЫД И УНИЖЕНИЕ.....	20
ЗАЛП ЛЕГЕНДАРНЫХ «КАТЮШ».....	22
ПЕРВАЯ УВИДЕННАЯ СМЕРТЬ РЕБЕНКА.....	23
ОБМАН.....	24
ДВА КУСОЧКА ЧЕРНОГО ХЛЕБА.....	25
ЛЫЖИ.....	27
ПОХОД В БАНЮ.....	30
УГОН.....	31
В ВАГОНЕ.....	33
СТРАДАНИЯ АЛЁШИ.....	34
АЛЁША ХОЧЕТ ОТОМСТИТЬ.....	36
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ.....	38
ТЕТРАДИ ИЗ ОБЕРТОЧНОЙ БУМАГИ, ЧЕРНИЛА ИЗ САЖИ.....	39
ВКУС РЖАНОГО ХЛЕБА.....	42
ЯЕШНЮ! ЯЕШНЮ!.....	44
ДЯДЯ ЕМЕЛЬЯН И ДЯДЯ ПАВЕЛ.....	45
ПЕРЕЕЗД В СМОРГОНЬ.....	47
ОТЪЕЗД МАТЕРИ С БРАТОМ.....	49
АЛЁШКУ СПАСАЕТ ДВОЮРОДНЫЙ БРАТ.....	51
КУРИНЫЙ СУП.....	53
ГОЛОС ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ.....	55
КЁНИГСБЕРГ.....	57
РАССКАЗ ДЯДИ ВАСИ О БАНДИТАХ.....	59
ПЕРЕЕЗД В ОШМЯНЫ.....	61
ОГУРЦЫ.....	63
ДОМ С ЗАКОЛОЧЕННЫМИ ОКНАМИ.....	64
ИЗБАВЛЕНИЕ ТЕТКИ ОТ ПЛЕМЯННИКОВ.....	66
ДОРОГА В ДЕТСКИЙ ДОМ.....	69

В ДЕТСКОМ ДОМЕ.....	72
ИГРА В ФУТБОЛ ЧЕРЕПОМ ЧЕЛОВЕКА.....	75
«ТЕМНАЯ».....	77
«ВЕЛОСИПЕД».....	78
ПРОДЕЛКИ С ПЕРЛОВОЙ КАШЕЙ.....	79
ВКУС ДЕРЕВЕНСКИХ СЛИВОК.....	80
КАК АЛЁШУ НАУЧИЛИ ПЛАВАТЬ.....	83
АЛЁШКА ТОНЕТ В ПРОРУБИ.....	85
СОЛНЕЧНЫЙ УДАР.....	86
МАМА, ПОЧЕМУ НЕ ПРИЕЗЖАЕШЬ?.....	87
ПЕРЕПОЛОХ В ГОЛЬШАНАХ.....	89
ДРАКИ.....	92
ПОБЕГ ИЗ ДЕТДОМА.....	93
В ДЕТСКОМ ПРИЕМНИКЕ В ЗАЛЕСЬЕ.....	95
СНОВА ДОМА.....	97
ВНОВЬ У ТЕТКИ.....	99
КРАСТЬ – БОЛЬШОЙ ГРЕХ.....	100
ИГРЫ И ЗАНЯТИЯ ПОСЛЕ ВОЙНЫ.....	103
КАК ДОБЫВАЛИ ДЕНЬГИ.....	105
В ОШМЯНСКОЙ ШКОЛЕ.....	106
МЕЧТА О ПРОФЕССИИ ЗАЩИТНИКА РОДИНЫ.....	107
О СВОИХ МАЛЕНЬКИХ ДРУЗЬЯХ.....	108
АЛЁШКА НА УРОКЕ.....	110
ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРУ.....	111
БЛИЗКИЕ РОДСТВЕННИКИ АЛЁШИ.....	113
ДЯДЯ ЕМЕЛЬЯН.....	114
ДЯДЯ ПАВЕЛ.....	116
МАТЬ.....	117
СУДЬБА БРАТА ЭДУАРДА.....	119
ДВОЮРОДНЫЙ БРАТ ГЕННАДИЙ.....	121
НЕМНОГО О СЕБЕ.....	122
ЭПИЛОГ.....	123

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Леонид Владимирович Искров – ветеран Вооруженных сил, член Могилевской городской организации Белорусского общественного объединения ветеранов, литературного объединения «Ветеран», лауреат специальной премии Могилевского горисполкома «Достижение» в сфере «Литературная деятельность» 2014 года.

«Под черным крылом войны» – пятый персональный сборник автора. Содержание сборника составляют воспоминания детства, которое пришлось на тяжелые военные и послевоенные годы.

Книга посвящается 75-летию Великой Победы.